ГРАНЬ

„GRAGNE"

REVUE TRIMESTRIELLE

№ 1

МАРТ-МАЙ

1939

ПАРИЖ

REVUE TRIMESTRIELLE

Кончено время игры,
Дважды цвѣтам не цвѣсти
Гумилев.

ГРАНЬ

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ И МЫСЛИ

Подъ редакціей:

С. В. ІЕГУЛОВА и И. Я. САВИЧА

№ 1.

МАРТ-МАЙ

1939

ПАРИЖ

СОДЕРЖАНІЕ.

Борис Алексѣев. — В походѣ. 3

Иван Савин. — Из посмертных стихотвореній. 9

Роман Редлих. — Гравюра на деревѣ. 12

Эсвен. — На чертѣ. 20

И. Я. Савич. — Рожденіе доктрины. 24

С. В. Іегулов. — Облики русскаго парламентаризма. 37

Д-р фил. Н. А. Реймерс. — Понятіе a priori у Канта и Шопенгауэра. 43

Библіографія 50
Б.: В. Сирин. «Приглашеніе на казнь». — **С. І.:** Ирина Кунина «Красная феска». — **С. І.:** К. В. Озольс. «Мемуары посланника». — **Т.:** И. А. Ильин. «Основы борьбы за Національную Россію». — **И. Я. С.:** Генерал А. И. Деникин. «Міровыя событія и русскій вопрос». — **О. В. Гефдинг:** «Assignement in Utopia» E. Lyons. — **Б.:** «Подколодный ягненок». — **Т.:** «Россія под игом» № 4 и № 5. — **И. Я. С.:** Л. Н. Шишков. «Почему мы вѣрим в Россію». — **От Редакціи**

Зарубежная жизнь — **И. Туптало:** Слова и Дѣла. 60
Вопросы и отвѣты 62
Письмо в Редакцію 63

От Редакціи 64

Книги, поступившія для отзыва 64

В ПОХОДѢ.

(Отрывок из цикла «Легіон»).

«...За жар души, растраченной
въ пустынѣ».

Лермонтов.

Чисто-чисто подметенная земля. Сухая, красновато-темнаго цвѣта. На ней аккуратно, как будто бы чьими-то заботливыми руками, разложены камешки: угловатые, круглые, черные, бѣлые в жилках, матовые, но больше всего отполированных, блестящих, блестящих и скользких. Один из таких камешков лежит у меня на языкѣ. Я сосу его и прижимаю иногда к пересыхающему небу. Я провожу языком по обожженным губам, с висящей кусками кожей. Я хочу пить, пить, пить. Все время хочу пить, уже много, много дней подряд. Хочу пить холодную, прозрачную воду, без привкуса селитры, без мути.

Эх, опять!.. Он все время отстает, и мнѣ приходится сдерживать моего Канара. Вот и сейчас Канар, смотря серьезно своими прекрасными глазами, слегка ткнулся в спину Вирта. Этото блѣдный нѣмчик тает на глазах, изнемогая от дизентеріи. И все-таки он идет. Идет как автомат, быстро, быстро перебирая ногами, безучастный ко всему. Он даже не обернулся на толчек моего мула. Бѣдный Вирт, он не может ѣхать верхом: ему дѣлается сразу хуже и, вѣрный заповѣди легіона — «marche ou crève» — он идет. Мнѣ видна мокрая от пота парусиновая куртка, прилипающая мѣстами к выдающимся лопаткам, и запыленный чехол кэпи, со спадающим на плечи покрывалом, ставшим коричневым от пота и прилипшей — в видѣ мельчайшей пыли — бурой охры.

Впереди Вирта идет, слегка покачиваясь, мой «дублер» Чіуно. Он думает, навѣрное, о красном терпком «пинарѣ» *)

*) Красное вино.

— единственном смыслѣ и украшеніи его жизни. Скоро моя очередь идти по этим раскаленным, сверкающим камешкам, а он, сидя в сѣдлѣ, так же будет сдерживать милаго Капара, всегда рвущагося вперед.

Давно-ли мы идем и ѣдем? Не все-ли равно? Я думаю, что так всегда и было — передо мной, на фонѣ голубоватой, легчайшей дымки горизонта, друг за другом движутся взводы. Впереди каждаго взвода бѣлыя фигуры быстро размахивают руками, по два в ряд, за ними — группа верховых. От каждаго взвода, поднятый подкованными ботинками легіонеров и копытами мулов, тянется бѣловато-золотистый шлейф мельчайшей пыли.

Кругом разстилается необъятное, мерцающее море. Каждый камешек, полированный дыханіем вѣков, сверкает в лучах бѣснующагося солнца сіяніем алмаза.

— Капрал, у вас есть спички? — спрашивает меня ѣдущій рядом Клейн. Я открываю патронташ, вынимаю коробку спичек и протягиваю руку. Он подъѣзжает вплотную ко мнѣ, его крупный, широко ступающій мул — Люлю — неодобрительно пофыркивает. Клейн берет коричневыми, горячими пальцами спички и закуривает. Снова Люлю недовольно покосил на меня черным глазом, принужденный опять приблизиться к моему Капару.

Впереди мѣрно колышатся плечи идущих гуськом в два ряда людей. Поблескивают на их спинах карабины. Пѣшіе иногда сходятся плечом к плечу ,иногда широко расходятся, обходя какую-нибудь рытвину. Мой Канар очаровательно постукивает своими стройными копытцами и в такт шагов потряхивает ушами. Это один из самых лучших мулов в нашем взводѣ, даже Жеметт нашего сержанта отстает от него. Я иногда подумываю, что Канар — лучшій мул в полуротѣ. Чіуно же увѣренно утверждает, что это самый лучшій мул в ротѣ, что лучшаго не было и не будет. Чіуно говорит, что когда Канар идет даже рысью, то можно, сидя в сѣдлѣ, писать письма самой красивой дѣвушкѣ. Правда, осторожно и мягко несет Канар свое красивое тѣло, пріятно поблескивает его песчано-серебристая шерсть, на которой рѣзко отдѣлятся черно-бархатная полоска, идущая вдоль хребта и спадающая по плечам.

«С крестом на спинѣ — это самые лучшіе мулы», — часто любит говорить Чіуно... Милый, милый Канар!

Млинек, идущій вторым в правой колоннѣ, усиленно размахивает руками. Его спина совсѣм сѣрая от пота. Вот он оглянулся, взглянул на меня, и бѣлые зубы сверкнули не то в улыбкѣ, не то в мучительной судорогѣ рта. С нарочи-

той безшабашностью, он затянул любимую нашим взводом нѣмецкую пѣсню, про шестнадцатилѣтнюю красотку Лору.

Это значило, что его силы подходят к концу, и он хочет подбодрить себя и других. Пѣшіе его товарищи, поняв это, подхватили припѣв, сначала неувѣренно, потом все сильнѣй и сильнѣй, и шаг их сдѣлался бодрым и увѣренным.

Припѣв, вѣющій какой-то печалью, печалью или тоской по идеалу, несся и разсѣивался в шири пустыни.

Верховые тоже подхватили припѣв, и звуки неслись в раскаленном, прозрачном воздухѣ, под аккомпанимент постукивающих копыт, по сухой, воспаленной почвѣ.

«Ло-о-ора, Лора, Лора, Л-о-о-о-ор-а...» — дружно лились звуки. Пѣли нѣмцы, французы, итальянцы, поляки, португальцы, бельгійцы и еще многіе... Пѣл один наш взвод.

...«Лора, Ло-о-ра...» Большіе голубые глаза и тяжелыя косы цвѣта спѣлой ржи — на фонѣ яркой зелени. Сквозь зелень блестят воды Рейна. От Рейна вѣет холодком, его воды чисты и прозрачны... Боже, как я хочу пить... И есть ли на самом дѣлѣ такой рай, гдѣ много холодной воды, гдѣ падает на мягкую зеленую траву тѣнь от деревьев, гдѣ по небу плывут облака?..

«Лора, Лора, Ло-о-о-ор-а... Halte ! Aux mulets ! Из пріятнаго полусна я сразу возвращаюсь к дѣйствительности: натягиваю поводья ,поднимаю правую руку вверх и затѣм рѣзко опускаю вниз — это сигнал ѣдущим сзади.

Я останавливаю Канара. Пѣшіе быстро подбѣжали к своим мулам. Вот Чіуно уже держится за правое стремя.

« Descendez ! » — кричу я и, забирая назад слегка затекшую правую ногу, чтобы не задѣть свернутых одѣял и шинелей, притороченных к задней лукѣ сѣдла, соскакиваю на раскаленную почву. Я стою около тяжело дышающаго Канара и быстро просовываю пальцы под подпругу — туго, значит ,не нужно подтягивать. Смотрю на его раздувающійся, потемнѣвшій от пота живот и провожу рукой под шинелью, у крупа, гдѣ висят фляги: Только два глотка — разрѣшаю себѣ — и, вытащив толстую пробку с каемкой дорожной пыли, приставляю горлышко фляги к пересохшему рту и быстро дѣлаю два глотка. Горячая ,соленая, пахнущая желѣзом, вода увеличивает жажду. Больше пить нельзу — впереди еще цѣлый день.

Вирт не подошел к своему мулу. Он сначала сѣл на землю, потом лег на бок.

— En avant... marche ! — и снова шлейфы пыли потянулись за взводами.

Камешки мерцают, сверкают, переливаются. Я широко

размахиваю засученными по локоть руками. Справа от меня идет Клейн с вѣчно потухшей папиросой в зубах. Камешки хрустят под гвоздями ботинок. Впереди, за облаком пыли, шевелится идущій взвод. Кажется, что он только шевелится, но не двигается с мѣста.

Мы идем и идем, почернѣвшіе, худые, с пересохшими, обожженными губами. Идем быстро, быстро передвигая ногами, еле успѣвая касаться почвы. Иногда лишь кажется, что мы летим, — иногда, что не движемся, а только быстро перебираем ногами в этом сверкающем морѣ. Голова начинает кружиться, легкая тошнота подступает к горлу. Я знаю — это опьяненіе свѣтом и блеском. Я превозмогаю себя, но немного погодя — снова впереди и кругом начинает покачиваться воздух и сверкающіе камни. Я снова впадаю в эту страшную, ослѣпительную тоску. Блѣдное, раскаленное небо, жгущая через подошвы почва и мерцаніе, мерцаніе, мерцаніе — в пустотѣ пустыни. Все умерло на этой планетѣ, и лишь мы — уцѣлѣвшіе — потерянная рота, несемся куда-то в послѣднем безуміи. Спѣшим... Куда? Когда? Часы, дни, годы, все перемѣшалось, все слилось в ослѣпительном огнѣ. Мы идем — нѣт. Мы сгораем, мы гибнем: нас пожирает свѣт.

Я оборачиваюсь назад — много в никуда глядящих глаз, много машущих рук, много пересохших ртов на осунувшихся ,почернѣвших лицах. Я послѣдним усиліем воли увеличиваю шаг и когда чувствую, что сзади начинают отставать, то оборачиваюсь и кричу: «Alors, quoi? Pas de moyen?» И этот крик сразу дает мнѣ силы. Я чувствую, что головокруженіе прекратилось, и твердо иду, широко размахивая руками, и боюсь оглянуться назад. Там, в концѣ строя, на меня взглянут страшные в своей покорности глаза чудом идущаго Вирта.

От впереди идущаго взвода отдѣлился вьючный мул, окруженный тремя легіонерами. Мы поравнялись с ними. Это из пулеметной группы. Вот сержант Брок отстегивает со злостью ремни, легіонеры стягивают на землю часть пулемета. Затѣм они снимают вьючное сѣдло, навѣрное лопнула подпруга. Сержант Брок взглянул на меня ненавидящими глазами. Я замѣтил, что он в послѣднее время на всѣх и на все смотрит взглядом, полным ненависти и тоски.

Мы идем и идем. Тѣни стали черными. Уши Капара похлопывают в такт шага, и уши его тѣни — громадныя уши — тоже. Между ушами видно мое кэпи, с развѣвающимся покрывалом. И также — в такт — покачивается за моей спиной дуло карабина — на мнѣ и внизу, на тѣни.

Почва раскалилась еще больше: снизу пышет невидимое пламя, а солнце, большое и тяжелое — шлет страшные ударяющіе лучи в спину. На горизонтѣ давно уже маячит сѣровато-темный утес, похожій на утюг. Туда мы идем.

По синим волнам океана плыл однажды сверх-дредноут, и вот, на полном ходу, он врѣзался в песчаную отмель, врываясь мощным килем в глубь тяжелаго, мертваго песка. Винты в послѣднем усиліи вскружились и навсегда зарылись и замерли. Корабль застыл неподвижной глыбой.

Прошли тьмы вѣков, океан высох, корабль покрылся трехсаженным слоем песчаника.

К нему, однако, громоздящемуся на фонѣ однообразной безконечной равнины, подходила наша рота. Уже виднѣется глинобитная башня, с зубчатыми краями, прилѣпившаяся к одной из боевых рубок умершаго корабля. Около кормы, вмѣсто кипящей, морской пѣны — мирно толпились пальмы. За пальмами виднѣлись сѣрые, кубическіе дома и опять зубцы башен.

Как хорошо лежать на спинѣ! Как хорошо смотрѣть в прозрачную, густую синеву неба сквозь черныя, перистыя вѣтви пальм, когда оттуда проглядывают только что появившіяся звѣзды. Солнце только что зашло, и в этот короткій момент блѣдное, жгучее небо дѣлается синим, синим — синѣе синьки. Потом, оно станет черным, и звѣзды во всей красѣ гордо выступят в ночной парад. Аллах эту скудную и страшную землю покрывает ночью траурным, расшитым золотом, ковром — самым дорогим, какой у него есть.

Было душно. Спина сквозь подстеленное одѣяло чувствовала жар почвы. Сзади меня стояла наша палатка, в ней, в кажущемся безпорядкѣ, были свалены грудой чрезсѣдельныя сумки, уздечки, фляги, мѣшки с ячменем, сумки — все готовое к тому, чтобы сразу лечь и пристегнуться к своему мѣсту — по сигналу — в любую секунду ночи. Около палатки рядами стояли сѣдла, прикрытыя потниками — за сѣдлами стелили одѣяла, так как всѣ спали на открытом воздухѣ. В серединѣ карэ, образуемаго рядами палаток, стояли привязанные по-взводно мулы. Они жевали ячмень, пофыркивали, переступали с ноги на ногу. Нѣкоторые из них лежали, поджав под себя ноги. Шум, производимый мулами, и говор легіонеров рѣзко нарушали торжественную тишину пустыни. Около моей головы послышались чьи-то осторожные шаги и кто-то присѣл на корточки.

— Капоралэ, — послышался таинственный шопот Чіуно. Я облокотился на локоть: Чіуно бережно наливал что-то из фляжки в аллюминіевую кружку. — Капоралэ, — продол-

жал он со своим невѣроятным итальянским акцентом, и в его голосѣ появилась гордость, торжество и умиленіе, — «капоралэ», — произнес он наконец, протягивая мнѣ кружку. — Ун кар де пинар.

Какая это была жертва с его стороны! Вино. Здѣсь и вино... Это значит, гдѣ-то эта заповѣдная фляга в глубинѣ вьючных мѣшков ѣхала с нами в продолженіе девятнадцати дней. Чіуно берег ее, как зѣницу ока, мечтал о ней. В ней был смысл и украшеніе его жизни — знаменитый пинар.

В первый момент я хотѣл было отказаться, но почувствовал, что это было бы страшной для него обидой. Я молча и бережно взял наполненную до краев кружку и медленно отпил глоток терпкаго и теплаго вина.

Вдруг, совсѣм близко, грохнул выстрѣл. Сейчас — «к оружію», сверкнула мысль и, пользуясь еще секундой до ожидаемой команды, я залпом допил вино, готовый вскочить на ноги.

— Фельдшера! — раздался чей-то взволнованный голос. Затѣм мимо пробѣжал дежурный капрал, придерживая за спиной болтающійся приклад карабина. Он, узнав меня, бросил на ходу: «Сержант Брок...»

«Остаться по мѣстамъ!» — раздалась увѣренная команда, передаваемая по лагерю. Забѣгали лишь караульные — в палаткѣ капитана зажглась свѣчка.

— Мон капитэн, — вбѣгая в палатку, докладывал аджюдан, — мон капитэн, сержант Брок...

— Есть ли здѣсь кладбище? — прервал капитан.

Борис Алексѣев.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА САВИНА.

***

Все медленнѣе караваны
На запад вышедших годов.
Все тяжелѣй их груз нежданный.
Все чаще на гребнѣ песков
Я в сердце вспрыскиваю пряный,
Тягучій кокаин стихов.

О, капли звонкія отравы,
О, пѣвчія мои слова!
Когда вас в выжженныя травы
Бросает сердца́ тетива, —
Как ласков шум песчаной лавы,
Какая в мірѣ синева.

Оазис. Блещет над шатрами
Звѣздами затканный ковер.
Родник хрустальными губами
Ведет о прошлом разговор
С уставшими идти годами,
Под пальмами цвѣтет костер...

Не потому-ль с недавних пор
Я даже думаю стихами?

1925 г.

*
* *

Я был рожден для тихой доли.
Мнѣ с дѣтства нравилась игра
Мечты блаженной. У костра
В тѣ золотые вечера
Я часто бредил в синем полѣ,
Гдѣ щедрый мѣсяц до утра
Бросал мнѣ слитки серебра
Сквозь облачные вѣера.

Над каждым сном, над пылью малой
Глаза покорные клоня,
Я все любил, равно храня
И траур мглы, и радость дня,
И долго берегла меня
В душѣ мерцавшей небывало
От копій здѣшняго огня
Неопалимая броня.

Но хлынул бунт. Не залив взора,
Я устоял в крови. И вот
Мнѣ, пасѣчнику лунных сот,
Дано вести погибшим счет
И знать, что безпощадно скоро
Вселенная, с былых высот
Упав на черный эшафот,
С ума безумнаго сойдет.

1925 г.

У ЧЕРТЫ.

По дюнам бродит день сутулый,
Ныряя в золото песка.
Едва шуршат морскіе гулы,
Едва звенит Сестра-рѣка.

Граница. И чѣм ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тѣм с большей нѣжностью и грустью
Россіи: «Здравствуй...» — говорю.

Там, за рѣкой, все тѣ же дюны,
К волнам такой же лѣс сбѣжал,
Все тѣ же древніе Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в пѣнѣ бьется,
И тишина еще слышнѣй,
И на кронштадтскій купол льется
Огромный дождь иных лучей...

Черкнув крылом по глади водной,
В Россію чайка уплыла,
И я крещу рукой безродной
Пѣнистый слѣд ея крыла.

Оллила. 1925 г.

ГРАВЮРА НА ДЕРЕВѢ*).

Гравюра.

Гравюра на деревѣ.

Матерь Божья стоит посередкѣ. На руках Младенец играет. По бокам не то свѣчки горят, не то перья стоят павлинія. Сверху два херувима на облачках, гласы ангельскіе поют предивно.

Голова Богоматери платком покрыта. Нарисовано черным, а видно пестрым, рязанским. И платье на Ней крестьянское, на подобіе сарафана.

А Младенчик в одной распашоночкѣ, ножками голыми дрыгает, ручечки раскарячил, точно обнять кого хочет. И держит Его Мать под тутуньку, качает: тату, тату.

Там, гдѣ сердце у Богородицы, пламя пылает, вѣнчик сіяет пламенный. А лицо у Ней тонкое, строгое, очи, как звѣзды ночныя. Смотрит Она на Сына и Сад Гефсиманскій видит.

А ноги у Ней босыя. И не видно, на чем стоит. Видно только цвѣтов разных множество. А в самом низу не то солнца горят, не то большіе подсолнухи. И подписано в уголку: Перхотин.

— Гравюра! За такія гравюры в Соловки надо гнать. А особенно пролетарских студентов, да таких, как товарищ Перхотин.

— Видно, не нюхал еще, гдѣ красный перец родится? Пролетарій, батрак! Сколько лѣт в подпасках-то бѣгал? Рисовал бы гравюры при царском режимѣ, как же!

Захлебываясь, говорит Кисляковскій. Требует сжечь гравюру. Сам боится, а говорит: хитрую политику проводит. Расчет: если сейчас не сожжет, то уж вѣрно не сожжет и послѣ. Тогда ее можно найти при обыскѣ. Главное, чтобы улика была.

— А ну, выйди-ка, брат, отсюда! — свел вмѣстѣ брови Перхотин. — Можешь писать, куда хочешь, до меня это не касается.

Ничего не сказал Кисляковскій. Вышел и написал: «Секретарю ячейки ВКП (б) Московскаго Политграфинститута. Настоящим довожу до свѣдѣнія, что студент III курса тов.

---

*) В слѣд. № Редакція выскажется по поводу этого разсказа.

Перхотин Н. С. держит у себя гравюры религiознаго содержанiя и сам таковыя рисует.

Так, мною видѣн у него вполнѣ готовый к печати рисунок так называемой божьей матери с младенцем и аттрибутами.

Классовый смысл подобных явленiй ясен.

С компривѣтом Ян Кисляковскiй.

Потом подумал немного и дополнил:

«Довожу также до свѣдѣнiя, что в бытность свою батраком у кулака Тимофеева в селѣ Бѣдном, Зарайскаго округа, тов. Перхотин неоднократно чай пил с попом».

II.

Донос лежит на столѣ, пока здѣсь, в комнатѣ у Кисляковскаго. Завтра он ляжет на стол к секретарю ячейки тов. Коломейцевой. Потом протаранят его скрѣпителем и засадят в картонную папку. Пока одного, в ожиданiи дальнѣйших дѣйствiй. Папка «Н. С. Перхотин» станет рядом с другими в плотно закрытый шкап. «Секретное». «Личныя дѣла сотрудников».

Через нѣсколько дней (Кисляковскiй позаботится о том, чтобы это случилось скоро), Коломейцева раскроет ее на собранiи, ровно, спокойно, безстрастно прочтет и спросит: «Ну, как же, товарищи? Надо рѣшать это дѣло». Товарищи торопливо закурят, затянутся, выпустят дым, подумают и начнут диктовать протокол. Протокол присоединится к доносу. За ним послѣдуют справки, от домкома, от сельсовѣта, от мѣсткома, от командировавших Перхотина учрежденiй. Рядом с ними ,безжалостно пронзенныя скоросшивателем, безсильно замрут заявленiя, объясненiя и извиненiя самого Перхотина, а на них, накапливаясь, как слои, из года в год улучшаемой почвы, будут ложиться дополнительныя наблюденiя и свѣдѣнiя Кисляковскаго и, может быть, только бы достигнуть этого, убѣдительно талантливая гравюра, почти готовая к переносу на матрицы.

Затѣм дѣло перейдет в Наркомвнудѣл. Перхотина вызовут на Лубянку. Он, Кисляковскiй, когда-то открывшiй гидру, теперь уже аспирант Ванюковича, продолжает интересоваться дѣлом. Он изслѣдует среду, выносившую классоваго врага. Он находит у Ванюковича (чѣм он, между прочим, занимался до революцiи?) цѣлое гнѣздо подобных гравюр, не только гравюр, картин, цѣлых огромных полотен, укрываемых до поры под тонким слоем портретов вождей и трудовых процессов...

Открывается цѣлый заговор. Дѣло идет к прокурору Республики. Доносы, окруженные справками, объясненіями и дополненіями, цвѣтут как алые маки среди луговых цвѣтов. Они устилают дорогу к званію академика. Кисляковскій шагает по ней...

Смѣло вперед, Кисляковскій! Главное, бодрость, упорство и поменьше буржуазной щепетильности!

Смѣло вперед, Кисляковскій!..

Только что это у тебя с сердцем? Дрожит и падает сердце. И звон в ушах, и трубные гласы. Ноги слабѣют, в колѣнях будто подкашиваются. И кружится, кружится бѣдная голова...

И падает ниц Кисляковскій, бормочет, лепечет что-то, не то бред, не то молитву какую-то, вродѣ той, что в дѣтствѣ от няньки выучил.

— Матка Бозка! Ах, Матка Бозка!

Падает ниц Кисляковскій, и лежит так, длани простерши... Сколько? минуту?.. вѣчность? ночь эту лѣтнюю, краткую, до блѣдных лучей разсвѣтных?..

Видит: идет к нему Матерь Божья. Младенца к нему несет. Видит рѣющих серафимов и хор их небесный слышит. И лежит, лицом в пол лежит: «Грѣшен! Грѣшен!» взывает, трепещет ужасом смертным...

А Младенчик у Матери с рук стремится. Спѣшит, бѣжит к нему ножонками слабыми. Ротиком беззубым смѣется. Ручонками пухлыми тянется... «Утѣшителю!»... Лапоньки его дѣтскія Кисляковскій вкруг шеи чувствует. Волосенки, что пух голубиный, щеку ему щекочат. Глазки, как звѣзды в водах Іорданских, в сладкой слезѣ купаются...

И взвыл, зарыдал Кисляковскій. Нестерпим ему стыд Іудин. Возопил от тоски безмѣрной, от счастья неизрѣченнаго. Забился на жестком полу, как тварь водяная из мокрых пучин извлеченная...

— Матка Бозка! Ах, Матка Бозка!

На крик прибѣжали люди. Видят, лежат: на полу Кисляковскій, на столѣ донос. Кисляковскаго шубой прикрыли, нехай парень проспится, а донос снесли Коломейцевой. Заслужиться хотѣли перед ячейкой.

III.

А утром встает Кисляковскій. Первая мысль: Перхотин.

«Что Перхотин? Зачѣм Перхотин? Аа!»

Встал дрожа. Протащился по коридору. Робко в дверь постучал.

— Войдите!

Вошел.

— Ну?

— Прости.

— Бог простит. Я тобой не обижен.

Подошел большой богатырь ,нагнулся, поцѣловал в уста трижды.

— Давай лучше Ее смотрѣть. Думаю в угол повѣсить. Как бы икону. Пусть смотрят.

Вынул гравюру из папки. Низко согнулся над ней. И Кисляковскій сбоку. Смотрит и чует, как слезы бѣгут из глаз.

IV.

А донос между тѣм лежал в секретном. «Личныя дѣла сотрудников». Папка: «Н. С. Перхотин».

Ловко скрѣпленный скоросшивателем, он увѣренно поджидал товарищей. Протокол засѣданія ячейки, дополнительных свѣдѣній Кисляковскаго, заявленій, объясненій и извиненій Перхотина. Наконец, резолюціи засѣданія ячейки и передачи в высшія инстанціи или, в худшем случаѣ, прекращеніе дѣла с заклеймленіем позором, выговором и предупрежденіем...

Коломейцева радовалась интересной работѣ и, тайно мечтая о славѣ, обдумывала возможности дальнѣйшаго продвиженія.

Тут-то и вошел Кисляковскій. Блѣдный и свѣтлоглазый, он потребовал донос обратно.

— Что ты бузишь? — удивилась на него Коломейцева. — Начал дѣло и, здрасте-пожалте, назад. А гдѣ гражданское мужество? Гдѣ пролетарская дисциплина?.. Вы, товарищ, буржуазныя штучки бросьте. Революція есть борьба. Закон борьбы: все на достиженіе цѣли. Большевицкая этика... И скажу тебѣ напрямик, Кисляковскій, этого еще мало. Мнѣ нужна дальнѣйшая помощь. У тебя сейчас нѣт нагрузки, — возьмись-ка, раскрой это дѣло. Имѣй в виду, что с уходом Перхотина освобождается мѣсто у Ванюковича. У тебя есть для него данныя. Обдумай и дай мнѣ завтра отвѣт.

Ушел Кисляковскій, а в сердцѣ так радостно стало, точно не то подсолнух огромный, не то цѣлое свѣтлое солнце в дальній путь ему просіяло.

V.

У Коломейцевой чорт не брат. Провела засѣданіе, да сама и пошла к Перхотину.

— Мнѣ, — говорит, — извѣстно. Покажи-ка ее сюда.

Посмотрѣл ей в глаза Перхотин и с улыбкой на стѣну указал:

— Что ты, слѣпая, что ли? Вот же Она висит!

Посмотрѣла Коломейцева на гравюру. Подошла. Еще посмотрѣла. Ну, довольно, снять и приложить к дѣлу.

Подняла только руку, а пальцы уж сами сложились. Осѣнила себя крестом, поклонилась и вышла в страхѣ.

А на доносѣ уж протокол лежал.

VI.

Пролежал протокол всю зиму. А весной пришла из райкома бумажка.

«По дѣлу Перхотина 27. III. назначается засѣданіе. Явка членов исполбюро обязательна. Секретарь райкома Блюменталь».

А на обратной сторонѣ карандашем приписка: «Тов. Коломейцеву прошу подготовить отчет о причинах задержки в дѣлѣ. Секр. райкома см. выше».

Хорошо, засѣданіе собралось. Сѣли. Закурили. Затянулись и приступили к дѣлу. Слово товарищу Коломейцевой.

Вот она, минута, — пришла.

— Коломейцева, начинай, пожалуйста. Нечего долго обдумывать, — все свои люди, не митинг.

Обдумывать! Все уж давно обдумано. Встала Коломейцева, хотѣла сказать:

— Товарищи! То, что мы здѣсь дѣлаем, — ужас. Наша борьба преступленіе. Наши идеалы — зло.

Товарищи! Если бы вам дано было читать в душѣ человѣческой, если-б вы знали, что было со мной в эти пять долгих мѣсяцев! Если-б знали мой стыд, мою боль, мои слезы... Отчаяніе безпредѣльное и муку неутолимую... Если-б слышали мои мольбы, видѣли бы мои поклоны, мои ночныя стоянія... На колѣнях, в пустой темнотѣ, в одиночествѣ неизреченном, в страхѣ, в тоскѣ несказанной. В одиночествѣ от людей, перед строгим ликом Ея.

Нѣт, нѣт. Не то, это я не то говорю. Если-б знали вы только, как осенью, в слякоть, в грязь, когда мокрый снѣг падает, падает и тут же тает, стыда земного прикрыть не в силах... Как я в тот день домой возвращалась. Во всем позорѣ моем... Что проститутка, не тѣло свое, душу живую для мрази земной предавшая... В мір Его дивный свой гнусный закон...

Нѣт, и не то, не то. Если-б только вы лик Ея видѣли... Видѣли-б, как на Него, на Младенца, Она взирает. Знали-б, как руки Ея дрожат, как сердце Ея трепещет. Знали-бы муку Ея материнскую, Его для Креста родившей... Если-б видѣли вы Младенца. Личико Его свѣтлое. Ликованіе Его дѣтское на цвѣты, на людей, на ангелов... Видѣли-б херувимов. Тѣх, что перья павлинія держат...

Нѣт, если-б свѣт Его видѣли.... Только свѣт от больших подсолнухов... И узнали бы крест Его страшный. Терновый вѣнец, и распятіе, и любовь, и муку живую.. «Отдай нам Варраву!», Пилата, и смерть, и толпу на Голгофѣ...

Хотѣла сказать Коломейцева, а взглянула и поняла, что Россія — толпа на Голгофѣ, а здѣсь, перед ней мудрецы, тѣ, что Іуду к Нему послали...

Взглянула и сказала только:

—Отчитываться мнѣ здѣсь не перед кѣм. От веденія дѣла Перхотина я отказываюсь. А тот, кто на себя это дѣло возьмет, сатанист и богоубійца!

Сѣла, взяла всѣ бумаги, сложила вчетверо и изорвала в клочки.

VII.

Разорванныя бумаги иногда возможно подклеить, а дѣло в Совѣтской Республикѣ не всегда возможно прекратить. Секретарь райкома Блюменталь польстился на званіе богоубійцы. Многообѣщающій протокол прикрыл изуродованных соратников. Пепельница, с лозунгом «Покупай в кооперативѣ», наполнилась изжеванными трупиками папирос. Трудолюбивое засѣданіе затянулось далеко за полночь. Рѣшеніе: Коломейцеву послать к психіатру, Блюменталю лично заняться дѣлом.

VIII.

Весна, весна! Московская волшебница-весна!

И зима собственно еще не кончилась, а всѣ уж почувствовали себя людьми: высовывают из окон перины, ходят по солнечным сторонам улиц, улыбаясь, разстегивают пальто, точно вовсе никогда не мерзли...

А в магазинах появляются валенки. Вешнія воды журчат в калошах...

Осознавшіе свои потребности коты каждую ночь устраивают революціи...

Безпризорные бѣгут на курорты, на встрѣчу им отвѣтственные работники...

Начинаются мечтанія о дачѣ, о любви, о костюмѣ, о славѣ...

Шел Блюменталь по улицѣ. Пѣл от радости Блюменталь.

Ах, весна, весна! Что ты дѣлаешь с секретарем райкома! Как сумѣла сдружить ты с лирой идейную его душу? Ах, весна, весна! Что ты дѣлаешь с секретарем райкома? Вертинскій, опролетаризованный Александр Вертинскій тает у него на устах:

Тихо тянутся тощія дроги,
Трудовой, пролетарскій обоз,
И нахально глядит на дорогу
Буржуазный мерзавец Христос...

Так с пѣсней и вступил в общежитіе. Вспомнил: «Так. Разрожденіе в-бога-матери, веселый, хи-хи, сюжетик».

Только дошел до двери, а перед ней Перхотин.

— Ну, здорово живешь, Перхотин. Покажи свою в-бога-матерь. Не вредный, хи-хи, сюжетик. Не позволишь ли посмотрѣть?

— Нѣт, не позволю. Да и в гости я тебя вродѣ не звал.

— Брось бузить. Неужели не звал? А я думал чайку напиться. Ну, да ладно, я, вѣдь, главное, ради гравюрки. Покажи мнѣ рисунок-то этот. Уж очень медицински интересуюсь: как это у ней, так сказать, небесными силами происходит.

— Тебѣ сказано раз, что не покажу. И, знаешь, я человѣк горячій, не можешь ли избавить от присутствія?

— Ай, ну, зачѣм же, видишь, весна на дворѣ, вот и настроеніе поднимается. Я понимаю. Не только, что рисовать, а и сам только бѣгаешь, ищешь, как бы гдѣ-нибудь «спасителя» задѣлать, хи-хи!

Нахмурил брови Перхотин:

— Эй, уйди до грѣха, Блюменталь!

Взглянул на него, да сверкнул глазами: видно, не все стерпѣть человѣку можно.

Запищал Блюменталь:

— Ах, так! Ну, тебѣ же хуже.

Поблѣднѣл и задом на улицу вышел.

А на улицѣ, только попал в толпу, задрожал вдруг всѣм тѣлом от страха.

В испугѣ поймал такси, да скорѣй на Лубянку, 14: «Ой, если здѣсь не спасут, тогда только бѣжать заграницу...»

IX.

На Лубянкѣ ребята стальные. Только ночи дождались, и марш. Сейчас пріѣхали: «Гдѣ тут гидра находится? Предъявите, гражданин ,документы. Пожалуйте в «чернаго ворона».

Гравюру вот только нашли не сразу, — очень уж, видно, в углу на стѣнѣ висѣла.

А увидали — обрадовались: «Вот она, гидра. Снимите, товарищ Желѣзный».

— Руки прочь! — подошел Перхотин. Взял Желѣзнаго товарища за ворот, одной рукой приподнял, другой поддержал, гдѣ надо, да и высадил за окно, как котенка...

А Стальной с испугу палить пустился. Семь зарядов, и все в Перхотина: «Караул! Возстаніе! Бунт!»

Рухнул Перхотин на пол, — прими, Боже, грѣшную душу.

X.

Чиста перед Богом кровь мучеников. Свѣтлой расплатой за смертную муку Сына к престолу Его возносится. В ужасѣ мрази земной росою сіяет пламенной...

Ангела свѣтлаго, вѣсть Ей благую принесшаго, Божья Матерь к слугѣ Своему послала.

Да умолил его чистый дух, только-что смерть пріявшаго, образ Ея пресвѣтлый крыльями заслонить своими.

И невидима стала Гравюра, неберома для рук нечистых...

Пришла послѣ за ней Коломейцева, понесла ее по Россіи, по безчисленным селам и градам, чтобы видѣли ее люди.

И трепещут людскія души. Воскресает живая вѣра.
И страданіем осмысленным наполняется вѣчная мѣра.
Озаряется Лик нетлѣнный. Прорастает тайное сѣмя.
Слышен Голос преображенный. Близок час. Наступает время.

Роман Редлих.

НА ЧЕРТѢ.

Февральская революція застала Олега Ивинскаго в Н-ском кадетском корпусѣ.

Как прекрасно врѣзались в памяти первыя свѣдѣнія, дошедшія о ней через высокія корпусныя стѣны!

Вошел в классное отдѣленіе, как обычно, на вечернія занятія, худенькій офицер-воспитатель, подполковник Бенедиктов. Кадеты сразу же обратили вниманіе на его озабоченно-сумрачный вид: ходит в проходах между классными партами и пристально вглядывается в лица своих питомцев.

Молчаніе нарушил страстный наблюдатель за фронтовыми дѣйствія, кадет Рѣзников 2-ой.

— Господин полковник, почему сегодня не получено «Русское Слово»?

Бенедиктов вздрогнул, точно опомнился от охватившихего тягостных размышленій, и сразу заговорил, обращаясь ко всѣм. По слухам, в столицах происходят большія народныя волненія, объявлено осадное положеніе, и вот уже вторыя сутки как нарушено желѣзнодорожное сообщеніе.

На другой день, утром, вмѣсто обычной пятнадцатиминутной прогулки, строевая рота была выстроена в своем ротном залѣ. Торопливыми шагами, не вошел, а скорѣе вбѣжал, директор корпуса и, забыв поздороваться, чего никогда с ним раньше не случалось, — взволнованно начал говорить о приблизившихся для Родины испытаніях. В Петроградѣ революція. Государь Император на фронтѣ. Военным, как всегда, необходимо помнить свой долг, быть честными воинами и защищать свою Родину и Царя.

— «Боже, Царя храни»! — крикнул он, обращаясь к кадетам, и в отвѣт из полутораста душ полились величественные звуки народнаго гимна.

В этот день на уроках Ивинскій не присутствовал, так как был назначен в наряд дежурным по лазарету; тотчас же послѣ команды «разойтись по классам» он пристегнул штык, взял фуражку и отправился в лазаретный покой.

Поздоровавшись с дежурным фельдшером, молодым кандидатом на классную должность, он обратил вниманіе, что обычно привѣтливый фельдшер как будто испытывает нѣкоторую неловкость и стѣсняется с ним разговаривать.

Не задерживаясь у него в дежурной комнатѣ, Ивинскій

направился в лазаретную библіотеку, но в дверях столкнулся с аптечным фельдшером, маленьким прыщавым унтер-офицером с лихо зачесанными вихрами на лбу.

Дѣлая вид, что совершенно не замѣчает дежурнаго кадета, он, в сторону как будто, бросает фразу:

— Чорт знает что, контроль какой-то учредили... Скажите, пожалуйста, дежурный по лазарету...

Задѣтый за живое, Ивинскій остановился и спокойно отвѣтил, что не его ума дѣло критиковать корпусныя правила.

В отвѣт на это из уст фармацевта безудержной рѣкой потекли шедевры революціоннаго краснорѣчія. Это был какой-то сплошной надрыв ущемленнаго самолюбія недоучки; смѣсь какого-то кухаркинаго задора с выбрыкиваніями сорвавшагося с привязи теленка, который, задрав хвост, вдруг, ни с того, ни с сего, начал носиться по двору, описывая в воздухѣ свои замысловатые четвероногіе пируэты.

Прыщавый кандидат не говорил, а выплевывал фразы без какого бы то ни было единства мысли или содержанія.

Это был не фонтан, а просто грязный ушат краснорѣчія.

Ивинскій поторопился уйти, чтобы поскорѣе избавиться от одновременно охватившаго его стыда и жалости, безграничной, искренней жалости к этому расхарахорившемуся маленькому человѣчку.

Во время обѣда в лазарет вошел дежурный по корпусу, просил быть внимательным и немедленно сообщать о всякаго рода случайностях, могущих произойти в связи с совершающимися в городѣ событіями.

В чем заключались послѣднія, Ивинскій никак не мог добиться.

Однако, вопреки предостереженію, день прошел спокойно и, когда послѣ вечерняго чая Олег возвратился к себѣ в роту, там его ожидал цѣлый ворох всякаго рода извѣстій.

Строго говоря, о революціи, как о нѣкотором государственном событіи, почти ничего не говорили; всѣ новости и свѣдѣнія касались исключительно наблюденій за офицерской и преподавательской средой, — как и кто из них реагирует на разворачивающіяся событія.

Но самым обидным в этот день было то обстоятельство, что никто из руководителей не мог ничего сказать сколько-нибудь удовлетворявшее их желанія разобраться в происходящем. Одни вдруг сразу как-то поглупѣли, обезличились, другіе — наоборот, стали выглядѣть по меньшей мѣрѣ китайскими мандаринами...

— Что такое революція?

— Бунт черни.

— Но почему же пугачевскій бунт не называли революціей?

— Потому что в нем не принимали участія рабочіе...

— Нѣт, принимали: например, Бѣлорѣцкій завод...

Так пытался неудачно разъяснить строевой офицер....

Но вот отвѣт доцента Дерптскаго Университета, волею войны попавшаго в корпус в качествѣ преподавателя космографіи:

— Революція — прогресс человѣческаго разума.

По поводу подобнаго опредѣленія в подпольном кадетском журналѣ было выражено опасеніе, чтобы господин Параллакс (так было прозвище почтеннаго космографа) не кончил счетов с земной юдолью при помощи... прогрессивнаго паралича.

Но не болѣе понятными и не менѣе многосложными были и другія поясненія со стороны новоиспеченных корпусных революціонеров:

— Неизбѣжное и необходимое зло... подобно войнѣ...

— Справедливое возмездіе народа...

— Жизненная энергія страны...

А окончившій по второму разряду Академію Генеральнаго Штаба подполковник Бославскій, между прочим, с первых дней революціи поторопившійся украсить свою грудь красным бантом, не задумываясь опредѣлил:

— Революція есть свобода, равенство и братство.

Подпольный журнал резюмировал: не сложно, но мало понятно — абракадабра XX-го вѣка.

Манэ... Тэкэл... Фарес...

Революція ширилась.

Отреченіе Государя Императора и послѣдовавшая за ним присяга Временному правительству, в особенности поспѣшность ея, вызвала брезгливое чувство среди кадет.

Из всѣх корпусных командиров только один отказался принести присягу, заявив, что он не имѣет права, как воин и гражданин, 30 лѣт воспитывавшій и подготовлявшій Царю и Родинѣ вѣрным сынов.

Кадеты приняли это, как примѣр истинной доблести и гражданскаго мужества, педагогическій же персонал, не исключая и офицеров, не только осудил, но и крайне возмутился дерзким поступком своего коллеги.

Это — первый водораздѣл между персоналом и кадетами.

День памяти жертв революціи в Н-скѣ ознаменовался всеобщим городским торжеством — по городу должны были дефилировать соорганизованныя массы рабочих и воспитанников средне-учебных заведеній.

День второй революціоннаго календаря — памятен для кадет.

И памятен он был по многим причинам, в особенности же из-за всеобщаго корпуснаго совѣщанія, в котором наряду с начальством на равных основаніях приняли участіе и кадеты строевой роты, причем голос их оказался рѣшающим.

Дѣло в том, что по постановленію городского комитета празднеств корпус должен был принять участіе в организуемых торжествах — об отказѣ не могло быть и рѣчи; возник вопрос — как быть, брать с собою красный флаг или нѣт?

Большинство офицеров, в угоду комитету низших служащих, успѣвшему организоваться под водительством аптечнаго фельдшера, настаивали на красных знаменах; другіе же, глубоко презиравшіе в душѣ все совершавшееся, сохраняли благоразумное молчаніе. Зато кадеты в категорической формѣ заявили, что ни красных флагов, ни алых розеток не возьмут и не надѣнут — ни под каким видом.

Трудно сказать, чѣм была вызвана эта категоричность их отказа.

Пожалуй, больше всего презрѣніем к растерянности своих руководителей.

Как бы то ни было, но разумѣется — никто из них толком не мог себѣ уяснить ,что та́кое революція; всеобщее ликованіе народной массы проникло и за стѣны корпуса и, больше того, нервной волной прошлось по молодым сердцам, но одновременно этот трепет всеобщаго веселья рождал какую-то глубокую обиду и страх.

За что? — За все. За трусость, за лицемѣріе, за растерянность тѣх, кто так недавно безоговорочно вѣрил, учил и всячески выявлял свою непоколебимость.

С другой стороны, наростало какое-то смутное, подсознательное чувство безпокойства.

Обида искала выхода — жертвы для своего оправданія и удовлетворенія ,память услужливо возстанавливала мелочи быта: год тому назад, шептал микроб революціи, ротный командир на боевой стрѣльбѣ в тирѣ ударил по лицу горниста-солдата за то, что тот ошибся подачей сигнала, а вот сейчас этот бравый полковник нацѣпил во всю ширь богатырской груди красный бант и по-пріятельски пожимает руки всѣм ротным служителям...

(Продолженіе слѣдует). **Эсвен.**

РОЖДЕНІЕ ДОКТРИНЫ.

I.

Современнику обычно очень трудно судить о событіях, проходящих перед его взором.

«Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно» — говорил Достоевскій. («Дневник Писателя» за 1873 год).

«Спросите какого угодно психолога, и он объяснит Вам, что если вообразить прошедшее событіе, а особенно давно прошедшее, завершенное, историческое, — то событіе непремѣнно представится в законченном видѣ, т. е. с прибавкой всего послѣдующаго его развитія, еще и не происходившаго в тот именно историческій момент». Достоевскій. (Там же).

Текущія событія исторически незакончены. И если современник наш, отмѣчающій объективно, как лѣтописец, поток современных явленій, не вырвется из круга «сознательнаго знанія», то ему грозит опасность — перед судом исторіи — оказаться глухим и слѣпым.

Он, конечно, отмѣтит в своем дневникѣ и паденія звѣзд, и землетрясенія, и голод, и войны, и революціи, в особенности «міровыя». Но он может не замѣтить всего того, что окрашивает по-новому эпоху, того, что именно создает новую грань исторіи.

Г р а н ь эта — чисто психологическая: все тѣ же явленія, только иначе окрашены... То же небо, тот же пейзаж: но их облик зависит от угла освѣщенія, т. е. зависит от освѣщающаго их взгляда души.

Событія нынѣ иначе оцвѣчиваются.
Они проходят сквозь иную призму...

Человѣк стал иначе судить...
Что-то измѣнилось в человѣкѣ...
Новый человѣк знаменует собой новую эпоху.

И эти измѣненія, это «новое» выражается в новом же мiроощущенiи, в поисках новой доктрины.

Да, было отчего за эти годы измѣниться и мiровоззрѣнiю! Не тѣ времена, когда могла мирно вызрѣвать и нормально развиваться общественная доктрина! Эпоху нашу ея современники опредѣляли весьма различно, но по существу однородно. Что же произошло в дѣйствительности? Одни называли событiя, положившiя начало нашему времени, солдатским бунтом, другiе — «политической», третьи — «соцiальной» революцiей. Одни ограничивали эти явленiя территорiей Россiи, другiе видѣли в них двигатель перманентных мiровых потрясенiй. П. Б. Струве в «Русской Мысли» (1922 год) говорил о величайшем, не только политическом, экономическом или соцiальном, но и о кризисѣ нацiональной стихiи. В этих событiях видѣли революцiонное крушенiе, которое, быть может, ярче и правильнѣе всего было окрещено «геологическим переворотом».

Особенно интересно уже позже высказанное («Костер», 1936 г., № 2): «В 1917 г. все было проиграно из-за того, что ни лѣвые, ни правые руководящiе политическiе слои равно не поняли ни смысла нашего вѣка, ни психологiи революцiи. Произошла «мiровая революцiя». Но не политическая, не соцiальная, а психологическая революцiя...»

Дѣйствительно, мы уже с 1917 г. перешли в эпоху катаклизмов: изверженная, расплавленная лава своею тяжестью и своим стремленiем погнула всѣ устои. Часть зданiй обвалилась, не выдержав напора. Но часть стоит в обломках, — и искажен, — и это главное, — до неузнаваемости, самый замысел архитектора, воздвигавшаго эти зданiя. Этот шквал отразился в каждой душѣ, и, дѣйствительно, тогда наиболѣе сильная и глубокая революцiя была революцiей психологической — революцiей в человѣческих душах.

Потому подорваны самыя вѣрованiя — «общественные идеалы», потому особенно глубоки трещины прежних мiровоззрѣнiй.

Идеологiя до 1917 года — стала идеологiей времен Очакова и покоренiя Крыма... Она болѣе никого заразить не

может и фактически не заражает никого, тѣм болѣе молодых и активных. Это уже «музейная» доктрина относительной цѣнности, музеев, гдѣ собраны идолы и фетиши давно ушедших времен. И мы, сторонники прогресса, счастливы, что эти экспонаты мысли XIX вѣка покоятся уже на полках музеев, и болѣе не способны тревожить умы и души.

Демосоціалистическій динамизм стал равен нулю, и то, что, с натяжкою, еще недавно, в эпоху «безвременья», могло казаться дѣйствующим, — за эти годы получило свое упокоеніе в каталогах современных кунсткамер: соціалисты-революціонерв от героических дней «Народной Воли» докатились до темных и позорных дней Учредительнаго Собранія, когда один матрос свел в могилу «революціонную демократію», повторявшую совѣтскіе зады. Тогда же русскій либерализм не мог противостоять натиску большевицкой стихіи.

Так растаяла — в болотах грязи — идея... Грязь была непролазная, темная, какой не сыщешь на самых узких, самых непроходимых переулках столь ненавистнаго средневѣковья.

Идеологія эта подрывала и рушила государства. Не говоря уже о Россіи, достаточно примѣра: высочайшій образец демогосударственности — масариковско - бенешевская Чехія — рухнула и погибла в нѣсколько осенних дней... Ею же была уничтожена и идея международной справедливости, международнаго арбитража, провозглашенная в Гаагском трибуналѣ и сведенная на-нѣт в — вавилонскаго стиля — Лигѣ Націй.

Рушились не только государства и учрежденія, коснувшіяся тлетворнаго духа. Все содержаніе, всѣ глубочайшіе принципы прежняго идеала, разлагались на атомы и из когда-то живых обращались в прах.

Основаніе прежней доктрины было вырвано большевиками у демосоціалистов и доведено до логическаго тупика их идеала. «Как соціалисту, Бѣлинскому прежде всего слѣдовало низложить христіанство. Он знал, что революція непремѣнно должна начинать с атеизма». С атеизма и начала доктрина XIX вѣка и, увидав, что «сильнѣе звѣря», чѣм большевики, нѣт, сдала ему свои позиціи и подчинилась ему. Проповѣдовать атеизм чуть-ли не в теченіе вѣка и возмущаться потом Емельяном Ярославским — нелѣпость ума и сердца!

Всѣ слагаемыя прежняго міровоззрѣнія: интернаціона-

лизм, соціализм, все «лѣвое», условныя настроенія и тенденція подчинились дѣйственной струѣ, исходившей от истинных реализаторов вскрывших несостоятельность их сокровенных мечтаній.

Практическія воплощенія этого духа? Парламент, столь жизненный в Англіи? Но правильно говорит Салазар: «Одной из больших ошибок XIX вѣка было представленіе, будто и англійскій парламентаризм, и англійская демократія способны приспособиться ко всѣм европейским народам». «Всюду, кромѣ Швейцаріи и скандинавских стран, — продолжает Салазар, — она превратилась во владычество партій над истинной націей».

Соціализм же оказался вездѣ нежизненным. В наши дни доказывать этого уже не нужно.

Все это доктрины неорганическія, да и вообще, можно ли назвать это — доктринами?

«Хлѣба и зрѣлищ» — вѣдь не доктрина! Не хлѣбом единым, не только зрѣлищами, жив человѣк!

Как ни парадоксально покажется на первый взгляд, но:

доктрина соціалистов — не соціальна.

а доктрина демократов — не народна.

И обратно:

народны — доктрины, построенныя на антидемократическом идеалѣ,

соціальны — воззрѣнія, исходящія из противосоціалистической идеи.

На дѣлѣ: «демократіи» не сдѣлали для народа того, что сдѣлали «не демократическіе режимы». «Либеральныя» правленія не охраняли общественных свобод. Мы — антилибералы — потому, что хотим обезпечить свободы, которых лишил нас либерализм. Мы — анти-демократы — потому что «демократія», говорившая о том, что представляет народ, вспоминала о нем лишь в дни выборов: «Мы же хотим поднять народ и вырвать его из рабства плутократіи...» (Салазар).

Большевики же — крайнее выраженіе противосоціальнаго, противонароднаго противоестественнаго эксперимента над народным, соціальным, человѣческим организмом. Прежнее «крѣпостничество Герцена» (слова Достоевскаго) родило современный стахановско-колхозный,

коммунистическій крѣпостной строй Сталина.

Из головастиков демосоціализма родилась жаба....

Не это странно! А странно то, что нѣкоторые «прогрессивные» умы были столь наивны, что воображали, что из головастиков рождаются бабочки!

Искусственно выращиваемая в теплицах псевдо-либерализма (как называл его Достоевскій), прежняя идеологія зачахла, когда над Россіей подул суровый вѣтер 1917 года. И в Европѣ остались от нея бурые стволы и опавшая листва. Умерли не только идеи политическія, но распались и сгнили самыя основы их. «В планѣ философическом (Салазар) либерализм — противорѣчіе, будучи просто ложью в планѣ политическом».

Умер не только соціализм, подчинившій себѣ остальныя воззрѣнія. Изжиты не только демократическіе «идеалы». Подорвана философская мысль, лежащая в их основаніи. Создался клубок логических и философских противорѣчій. — Клубок этот — клубок аморальности.

Распутать этот клубок — Достоевскій предчувствовал это — в плоскости разума нельзя: выхода из этих противорѣчій разуму нѣт.

Эти противорѣчія умирают только пред мыслью, рожденной сердцем, преодолѣть можно их в плоскости только нравственной.

Умирает духовное, аморальное крѣпостничество Герценов, и отмирает то, что произошло от него, — разрыв с родной землей и с ея идеалами. Отцы этих внѣ-національных идей так и «родились эмигрантами» (Достоевскій). «Они всѣ, ему (Герцену) подобные, так и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их и не выѣзжало из Россіи». И Достоевскій продолжает: «Истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи с русской почвой и с **русской правдой».**

Гордая доктрина, нѣкогда смѣло шедшая на завоеваніе міра, «пред кѣм дышать едва лишь смѣли» — нынѣ прах.

За нѣкоторою гранью — все пусто. «Пустое ничто». За этим предѣлом, —от соленой соли остались лишь бѣлесые кристаллы, без вкуса, без силы, без запаха. Мертвые камни!

Русская правда отлетѣла от них...

И в пустой ночи 1917 года бродили одни призраки. Их тогда принимали за реальность.

Этим воздухом больной фантастики досель еще дышат и живут: и все рухнувшее «правое» ,и весь погибающій «лѣвый» мір.

Ими владѣют только привидѣнія и призраки...

II.

«Еле на ногах стоит человѣк»... Этим блоковским образом обрывается одна грань смутной эпохи русской исторіи XX вѣка.

А началом новой эпохи ,гранью между наклонной плоскостью 1917 года и грядущим подъемом, является тот момент, тот день, когда «еле на ногах стоящій» человѣк, колеблемый бурею, отказывается подчиниться ея вѣянію.

— Когда он стоит на ногах не потому, что его е щ е не свалил вѣтер, а потому, что он у ж е стоять х о ч е т.

Х о ч е т с т о я т ь! Хочет стоять крѣпко! Не на зыбкой почвѣ. Хочет двигаться и жить! В этом п с и х о л о г и ч е с к а я р е в о л ю ц і я н а ш и х д н е й. Начинается сопротивленіе, борьба со смертью...

На новую, трудную дорогу из прошлаго, из общественных идеалов вчерашняго дня, ему взять со собой — нечего, ибо от них осталась лишь горькая пыль.

Когда больной ,послѣ долгой и опасной болѣзни, впервые встает — под ногами его колеблется почва. Но этот колеблющійся мір — нов; ново — острое ощущеніе вновь обрѣтенной жизни, стремленіе — никогда болѣе не болѣть.

Складывается простое міровоззрѣніе: здоровье ощуща-

ется, как благо; жажда жить растет, обостряется инстинкт жизни.

Тот, кто сам заглянул в бездну, кто увидѣл шевелящійся на днѣ ея хаос, тому ясна уже гибельность отмирающих идей. А кто пытался, чтоб не упасть, удержаться за перила прежних идеологій, тот остро ощутил их шатаніе, их несуществованіе, их мнимость.

Эта острота — лежит в основѣ новых воззрѣній.

Однако, без претворенія этих ощущеній в доктрину не может быть мыслимо истинное оздоровленіе и сопротивленіе старому міру. И новая государственность мыслится и создается только на основѣ идеологической.

Она, говорит Салазар, принимает и защищает доктрину.

Утвержденіе и оборона идеологіи является характернѣйшей чертой современности.

Прежде «идеологія» и «доктрина» были монополіей «общественности», оппозицій, «лѣваго» лагеря. Государство же считало доктрину излишней, чѣм-то второстепенным и подчиненным. А когда заколебалась земля, государства без доктрины не выдержали ударов. Будущее — требует принятія и защиты идеи.

«Без цѣли», пишет проф. И. А. Ильин, «и без идеи Россію не спасешь. Необходима идея. Идея долгаго, волевого дыханія. И созданіе этой идеи лежит на нас... Нельзя отрывать тактику от программы, а программу от идеи. Мы должны заранѣе, теперь же понять, что несет с собой безидейная реакція....».

Свершилась идейная революція, и новая государственность создает свою доктрину.

Не в тиши кабинетов родилась она, а в смертельной тревогѣ и борьбѣ. Она родилась естественно.

Опытный садовник, — говорил Гете, — видит в побѣгах молодого кустика — и будущее его цвѣтеніе, и будущіе его плоды.

Современная живая доктрина исходит из естественнаго

человѣческаго порыва, она сильна страхом испытанной смерти и жаждой жизни. И опытный садовник — политик — может предвидѣть заранѣе ея тусклое или буйное цвѣтеніе, ея безплодіе ,или богатство ея урожая.

В эмиграціи была сдѣлана попытка созданія идеологіи, и попытка эта закончилась провалом.

Весьма удачно П. Б. Струве объединил под одним названіем «гибридных форм идеологіи» два безплодных теченія: національ-большевизм и евразійство *), как доктрины, пытавшіяся найти общее между двумя несовмѣстимыми потоками мысли.

В статьѣ же бывшаго евразійца Г. В. Флоровскаго «Соврем. Зап.» № 34) отмѣчены основныя черты «евразійскаго соблазна» порочности этого идейнаго опыта, и проанализированы достаточно полно причины его крушенія. Г. В. Флоровскій вполнѣ правильно замѣчает, что евразійство развивалось «по старой интеллигентской манерѣ».

«Сложную и трудную задачу религіозно-творческаго возрожденія евразійцы размѣняли на суемудріе идеологических упражненій».

«В евразійствѣ снова оживает худшая и самая опасная черта старой интеллигентской психологіи — дѣлить все на «правое» и на «лѣвое», под новыми обозначеніями «старое» и «новое».

Хотя в этой фразѣ сам Г. В. Флоровскій (по недосмотру?) употребляет слово «старый» («старая интеллигентская психологія»), несмотря на эту логическую неувязку, мысль его о евразійствѣ, как об идеологіи «стараго» пошиба — сужденіе правильное и трудно опровержимое. У евразійцев «психологическій тип — остается прежним», евразійство есть послѣднее интеллигентское направленіе, совмѣщающее в себѣ всѣ прежніе пороки».

Для нас евразійство интересно потому, что на опытѣ показывает, какая доктрина жить не может.

Евразійство, дѣйствительно, плоть от плоти того стараго духа, порожденіем которого явился большевизм.

Всякая доктрина «гибридная», которая не оторвется от стараго, которая сохраняет еще какія-то нити с прошлым идеалом, обречена на засыханіе, на проклятую гибель.

Демо-соціализм не отрекся от большевизма! Наоборот, он связан и связывает и теперь свою судьбу с ним.

---

*) Младороссы доктрины не создали, но «гибридность» их помыслов ясна; достаточно прочитать в сборникѣ «К Молодой Россіи» (1928 г.!): «не ясно ли, что большевики держатся у власти не против воли націи, а с ея согласія!...».

Он сдѣлал свой выбор. Судьба его потому связана с судьбой большевизма. Он погибнет вмѣстѣ с ним.

Выживет «новое»... «Новое»? Как боятся этого слова! Однако, вопрос этот чисто психологическій: «новы» и древнія, в вѣках оправданныя мысли. «Стары» — и воззрѣнія недавно родившіяся. Новое — то, что преодолѣвает и преодолѣет умирающее, старое: большевизм и братьев его.

Цѣпь высказываній И. А. Ильина резюмирует этот вопрос:

— «Нам нужна новая постановка и новое разрѣшеніе все тѣх же вѣчных проблем, но из новаго, національно-трагическаго опыта исторіи...

— Мы должны готовить не реставрацію, а новую Россію.

— Нѣт больше былой Россіи. Нѣт ея и не будет. Будет новая Россія. Попрежнему Россія, но не прежняя.

— Новое цѣнно не новизною своею, а цѣлительной вѣрностью.

— Наивно думать, что кто-то другой откроет и выговорит идею Новой Россіи...

— Возродить Россію может только новая идея. Ее могут возсоздать только обновленныя души.

— И кто хочет жить старыми, отжившими трафаретами — тот не имѣет ничего сказать міру! Новое же добывается лишь через духовный опыт и творческое созерцаніе...

— Ибо тѣ новыя идеи, и новыя слова, которыя необходимы Новой Россіи, будут, вѣроятно, лишь вновь открытою, но зато по-новому постигнутой древнею мудростью...»

Новое міровоззрѣніе может быть жизненно лишь постолько, поскольку оно смѣло отречется от вчерашняго дня, от того дня, когда над умами властвовали и когда побѣдили теперь уже побѣжденныя воззрѣнія.

И новая доктрина, т. е., прежде всего, осознаніе органически необходимаго, логически претвореннаго в жизнь,

может родиться тогда, и тогда только, когда готова почва.

Когда перегнили всѣ прежнія идеологіи, когда истлѣвшій их прах образовал новую землю.

III.

«Національное» — «національизм» — есть единственное лекарство для міра «духовно больного» и единственное противоядіе от идейнаго отравленія; лишь степенью осознанія національнаго опредѣляется жизненность міровоззрѣнія. «Національное» лежит в основѣ всякаго народнаго оздоровительнаго порыва, не претворяясь часто еще в чеканную доктрину:

«Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно»...

В самом понятіи — «нація» заложено столько органическаго, здороваго, что через пріятіе національнаго мірощущенія народ страхуется от болѣзней общественнаго тѣла.

Самой идеей «націи» преодолѣвается всякій матеріализм, через «націю» происходит освобожденіе от пут матеріальной мысли и облегчается расцвѣт народнаго творческаго духа.

Понятіе «нація» — многіе пытались опредѣлить: уже Л. Тихомиров (т. III) видѣл в націи «общество с установившейся внутренней логикой развитія», «с извѣстной преемственной традиціей — с тѣм, что и составляет дух народа» и указывал на «солидарность» отдѣльных поколѣній в цѣлостной жизни націи».

Нація и есть объединеніе людей в неразрывное цѣлое, гдѣ неразрывность основана на общности не только экономических или государственных интересов, но и на единствѣ культурных, духовных цѣнностей — на единствѣ историческаго прошлаго и устремленія в будущее.

«Національизм» опредѣлить труднѣе. Это, вѣдь, новый облик живого развивающагося міровоззрѣнія. Ш. Моррас («Политическія идеи») подчеркивает, как и всѣ новые по духу мыслители, необходимость положительной доктрины — философіи національизма.

Для опредѣленія національизма, он так разграничивает его от патріотизма:

«Эти два слова и этимологически, и смыслом своим, и прошлым своим, имѣют совершенно различное значеніе».

«Патріотизм — уваженіе к землѣ народа, к землѣ предков». Патріотизм рождает націонализм, но націонализм имѣет иной, болѣе широкій и глубокій смысл; он затрагивает не только матеріальное наслѣдство предков, но и их моральное наслѣдство, их духовное достояніе.

«Патріотизм требует защиты государственных границ. Націонализм же должен защищать всѣ сокровища націи, даже тогда, когда нѣт угрозы извнѣ, даже когда нѣт физической, матеріальной угрозы родной землѣ».

Поэтому вполнѣ современно опредѣленіе націонализма, как осознаннаго и естественнаго ощущенія принадлежности к націи, и не только принадлежности к ней: в древнем, прежде не столь еще осознанном понятіи, выросшем, расцвѣтшем послѣ бурь наших дней, наполнившемся новым содержаніем, — кроется безусловное требованіе — служенія націи.

Подлинный націонализм — есть служеніе.

Служеніе родной землѣ — древне-русская идея. Служеніе — не только государству, не только племени, расѣ или «народу», а вѣчным и высшим цѣнностям, идеям духовным и соціальным, «націю» создающим, «націю» ведущим, и от «націи» неотдѣлимых.

В этом реальном, воплощенном россійской исторіей в дѣйствительность, стремленіи «служить землѣ» — намѣчается преемственность с грядущим воплощеніем новых идей россійскаго, національнаго служенія.

Ибо, прав еще раз И. А. Ильин: «службу» надобно превратить в «служеніе». «Націонализм есть воля к творческому расцвѣту — народа, в земных дѣлах и небесных свершеніях». «Націонализм» — есть система поступков, вытекающих из любви и вѣры, из этой воли и — этого созерцанія». (И. А. Ильин).

«Система поступков» в лучшем выраженіи своем — есть служеніе. Націонализм — дѣйствительно, — служеніе націи.

Служеніе это неотдѣлимо от ощущенія, сознанія, испо-

вѣданія П р а в д ы. Національное служеніе есть о с у щ е с т в л е н і е осознанной п р а в д ы.

Русская истина — корни которой «истлѣли» в темныя времена XIX вѣка, связь которой и с властью, и с «интеллигенціей» была расшатана — обрѣтена в н о в ь новыми поколѣніями — в Россійской трагедіи.

Всѣ «крѣпостники», всѣ слѣпые и глухіе, всѣ не понявшіе сути психологической революціи этих лѣт — не могут понять и того, что рождающійся національзм россійскій — есть выявленіе самой сути народной стихіи, оформленіе ея духовнаго с т р о я, ощущеніе, и осуществленіе ея «м е ч т ы» — п р а в д ы р о с с і й с к о й.

Россійскій новый, обновленный національзм — національзм с о ц і а л ь н ы й и и м п е р с к і й. «Правда» россійская лежит в основѣ исторической, традиціонной и органической Россійской доктрины, рожденной в глухіе годы и долженствующей неудержимо развиться в грядущіе дни возрожденія національной стихіи.

Потому соціальное содержаніе нашего національзма превысит, как и прежде, политическую его оболочку.

Національзм Россійскій по преимуществу — с о ц і а л ь н ы й національзм, связывающій «служеніе» с «правдой».

И сила величія и отличія Россійской имперіи вовсе не в том (как матеріалистически думали евразійцы), что существует особый склад «русской равнины»; не в «материкѣ» дѣло, а в духовной стати, в духовной напряженной направленности строителей этой имперіи, строивших ее не ради одного строенія, а п р а в д ы р а д и.

И не географическими условіями спаяно единство народов имперіи, а пріобщеніем их к иного порядка, не-матеріальнаго, двигателю — пріобщеніем к моральной и соціальной м е ч т ѣ, провозглашенной народом Русским.

М е ч т а, с о з д а н н а я н а р о д о м Р у с с к и м, — с т а л а м е ч т о й в с ѣ х Р о с с і й с к и х н а р о д о в.

Спаянная идеей, Россійская имперія — не пустой звук, не формальное объединеніе, не юридическая федерація, а особый организм, гдѣ в слушаніи имперских пѣсен Пушкина сочетается и русскій, и татарин, и калмык, поющій каждый на своем языкѣ, — свою пѣснь и хранящій, каждый, свою вѣру и правду. Но от запада до востока, от Ледовитаго океана до южных границ, всюду было живо и живо будет ощущеніе принадлежности к единым, общим поискам правды. Всѣ народы, «всѣ языки» — связаны не только землею, а служеніем правдѣ.

Имперскій, Россійскій націонализм — соціален. Соціальность эта не отраженіе экономических факторов, а — требованіе идеалистической нравственности, взращенной религіей. Соціальность эта — преобладаніе над повседневной заботой — идеи общественной и Божьей Правды.

И культурный, религіозный мір, мір христіанской культуры, не может, если не отречется от себя, не признать, что этою своею соціальной сутью, своим имперским и національным содержаніем, н о в а я россійская мысль возвышается — н е с о и з м ѣ р и м о — над а м о р а л ь ы м, противокультурным, а р е л и г і о з н ы м и антихристіанским демо-большевицким варварством, пытающимся вернуть мір к временам, не только «средневѣковья», но к крѣпостничеству, к рабовладѣльчеству первобытнаго дикарства.

Таковы элементы и движущія силы новой доктрины, имѣющей родиться и рождающейся в бурные дни.

Хрупкое и ложное зданіе «старой» мысли раздроблено. Выкованы новыя основы:

> в душах отстаивается новое міровоззрѣніе, рождается новая доктрина: р о с с і й с к а я, и м п е р с к а я, с о ц і а л ь н а я, живые корни которой, в г л у б и н ѣ д у ш, в их р е л и г і о з н о м с т р о е н і и.

И. Я. Савич.

ОБЛИКИ РУССКАГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

I. Интеллигенція начала XX вѣка.

В настоящее время уже прочно установились два обособленных значенія понятія «семья»: 1) как бытовой (органической) единицы, и 2) как общественной или соціальной величины.

Первыя образуют многовѣковую твердь народов и націй; вторыя, составляя собой общества, выявляют временныя духовныя настроенія одного или нѣскольких слоев народа или націи в опредѣленный промежуток исторіи.

Цѣлью настоящей главы является попытка установить общественный облик большей части русской интеллигентной «семьи» начала XX-го столѣтія.

Без особой погрѣшности можно утверждать, что главной руководящей идеей этой среды являлся парламентаризм, который, — да не будет звучать это парадоксом, — оставил историческій слѣд, т. е. осязаемый результат их духовнаго труда, в видѣ воцарившагося в Россіи большевизма.

«Так иногда в томительной пустынѣ
Мы видим образы далеких, чудных стран,
Но это только призраки, и снова небо сине,
И вдаль бредет усталый караван»...

Да, караван русскаго интеллигентнаго общества начала XX-го столѣтія создал себѣ не только иллюзію — мираж далеких чудных стран, но и пустыню, и синее небо, ибо бродил он по богатой и роскошной Россійской равнинѣ, невѣдомо зачѣм утомляя себя безцѣльным скитаніем и чаяніем «обрѣсти, наконец, неотцвѣтающій сад», в то время, как в Россіи назрѣвала буря.

Было бы по меньшей мѣрѣ несерьезно слагать всю вину за совершившееся в Россіи на одну только интеллигенцію, но можно с увѣренностью утверждать, что именно она в лицѣ своих передовых представителей была и повивальной бабкой, и кормилицей, и крестной матерью, и воспитательницей большевизма.

Большинство представителей того періода интеллиген-

ціи для опредѣленія собственнаго духовнаго содержанія (своего рода политическая родословная), поясняла: «Я,— имя рек, — принадлежу к семидесятникам» или к восьмидесятникам, или и к тѣм, и к другим сразу ,как, например, пишет П. Н. Милюков:

«Я был моложе семидесятников, но старше восьми и девяти-десятников»... или, иначе говоря, — «я опредѣлил свое положеніе между народниками и марксистами». («Русскія Записки», XI, ноябрь 1938 г., «Роковые годы»).

Кто такіе семидесятники, вполнѣ опредѣляет эс-эр В. А. Мякотин:

«Ярким воплощеніем настроенія русской молодежи семидесятых годов явился знаменитый кружок «чайковцев». (В. А. Мякотин. «Памяти ушедших», «Голос Минувшаго на чужой сторонѣ», № 4, 1926 г.).

И в той же статьѣ он рисует фигуру Н. В. Чайковскаго, который «духовный выход из своих сомнѣній находил в ученіи богочеловѣчества», а реальное его проявленіе было — «признаніе насилія против власти» и сбор матеріальных средств в Америкѣ для этой цѣли.

Кн. Е. Трубецкой в своих воспоминаніях («Русская Мысль», март-апрѣль 1921 г.) дает характеристику восьмидесятых годов, как «отрицаніе всѣх вѣковых устоев русской жизни, вѣры отцов и традиціонных устоев государственнаго бытія», которое «вылилось в практическую форму террористических покушеній».

Вот геркулесовы столбы, от коих, по собственному своему признанію, начинали свое духовное странствіе русскіе парламентаріи.

Итак, к девятисотым годам русская передовая интеллигенція еще не представляла собой строгой политической оформленности: прежде всего, отсутствовала партійная ортодоксальность, затѣм — не было ни единства мысли, ни ясной цѣли, хотя весьма смутно уже намѣчались идеологическія склонности.

Одна часть считала себя носительницей традицій народничества, которое, главным образом, выражалось в признаніи своим духовным вождем и бурным почитаніем стараго народовольца Н. Ф. Анненскаго. Слѣдует также отмѣтить, что заправляли здѣсь соціалисты-революціонеры во главѣ с В. А. Мякотиным.

Другіе именовали себя экономистами, увлекались закономѣрностью исторіи и превозносили превыше всего коллективную волю масс.

И тѣ, и другіе опредѣляли своей главной задачей, по

выраженію Милюкова, «сотрудничество интеллигенціи в едином революціонном процессѣ», а объектом своих чаяній обѣ группы считали русскій народ.

Для встрѣч и бесѣд народники облюбовали себѣ зданіе Литературнаго Фонда (Общество для пособія нуждающимся литераторам и ученым, основанное в Петербургѣ в 1859 г.), а отраженіем своих мыслей и вѣрованій считали журнал «Русское Богатство», кстати сказать, имѣвшій в рядах своих сотрудников немалое количество соціал-демократов.

Экономисты обосновались в зданіи Вольно-Экономическаго Общества (учрежденнаго при Екатеринѣ Великой) и признавали своим журналом «Новое Слово» под редакціей П. Б. Струве.

Насколько подобное подраздѣленіе было поверхностно, можно судить хотя бы из того обстоятельства, что признанный вождь народников, Н. Ф. Анненскій, руководил в то же время одной из групп экономистов.

Подобная внутренняя безпринципность среди передовой интеллигенціи в тѣ времена являлась весьма характерной особенностью.

Один из ея ярких представителей, П. Н. Милюков, в своих воспоминаніях (уже ранѣе цитируемая статья — «Роковые годы») говорит:

«Я был признан своим в обоих центрах легально-общественнаго движенія».

Кстати, своеобразно было и пониманіе слова «легально»: предсѣдательствуя на одном из легальных собраній того времени, «Милюков дал понять, что нанесеніе ударов, расшатывающих правительство, старыми, испытанными народовольческими средствами, встрѣтило бы с его стороны самое сочувственное отношеніе». (В. Чернов, «Воспоминанія», т. I.).

Как на другой образчик умственнаго соціально-политическаго шатанія можно указать на В. Чернова, исповѣдывавшаго идеологію соціалистов-революціонеров и одновременно заявлявшаго, что «в политической экономіи он — марксист».

«Умѣренный» юрист, Н. В. Тесленко, также называл себя народовольцем, что являлось «легальным» термином для обозначенія своей политической принадлежности к соціалистам-революціонерам.

Однако, в послѣднем случаѣ, украшеніе себя романтическими доспѣхами революціонера-террориста уже указывает на царившія среди тогдашней интеллигенціи своего рода правила приличія, ну, что ли, вродѣ англійскаго признака

хорошаго тона быть, гдѣ положено, во фракѣ или смокингѣ.

Другими словами — неприлично не быть революціонером-террористом.

Точно так же звучат и слова полу-оправданія Милюкова:

«Учащались и полицейскія мѣры, ставшія постоянной чертой в біографіях сколько-нибудь видных общественных дѣятелей столицы. В такой средѣ нельзя было оставаться нейтральным». («Роковые годы», «Русскія Записки»).

Иначе говоря, интеллигенція, еще не разбираясь в духовном содержаніи, предъявляла требованія и расцѣнивала своих сочленов по особым внѣшним признакам, из которых, выражаясь иносказательно, наибольшую роль играли ношеніе политическаго фрака — ярлыка и слѣды административной палки.

Иначе нельзя было сдѣлаться видным общественным дѣятелем...

Это печальное явленіе усугублялось еще болѣе тѣм обстоятельством, что передовые круги совершенно игнорировали дѣйствительно интеллигентныя силы, не обладавшія вышеприведенными отличительными признаками.

В статьѣ «1905 — 1906 годы» (Сборник, посвященный памяти М. М .Винавера) В. А. Маклаков пишет:

«Только нельзя забывать, что для «опытных и дѣльных людей» вход в законодательную палату мог быть только через назначеніе. Наш «старый режим»» поэтому и назначил в Государственный Совѣт— Таганцева, Кони, Витте, Сабурова, Манухина и многих других, которые не были друзьями режима. А ни один из этих «опытных и дѣльных людей» по выборам пройти бы не мог. Не было шансов надѣяться, чтобы «народная воля» оцѣнила «опыт и знаніе».

Можно ли не признать трагическим приведенное выше самопризнаніе виднаго парламентарія?

Не время и не мѣсто нам здѣсь выражать свое сочувствіе, и не ради упрека цитируется весь этот опыт неудавшихся общественных трудов наших интеллигентных предшественников...

Мы учимся, а не обвиняем.

Учимся, но нѣсколько по-иному...

Сначала вынужденые испытать на собственных плечах весь тлетворный результат их достиженій, а затѣм уже принявшись за внимательное изученіе их полуоправданій, полупризнаній, а подчас и неумѣстных утвержденій.

Для болѣе яркаго представленія облика предреволюціон-

ной передовой интеллигенціи необходимо уяснить себѣ окружающую их обстановку.

Каково было внутреннее состояніе Россіи?

«Время это было замѣчательное...

Напряженной, полной духовных интересов жизнью жила вся русская интеллигенція....»

Спустя страницу уточняется:

«Стачки, демонстраціи, убійства представителей власти чередовались с какой-то наростающей послѣдовательностью».

Вот какова эта замѣчательная жизненная полнота передовых революціонных и лѣвых кругов.

Середина, т. е. «оппозиціонные круги» — «пассивно созерцали»...

«Впрочем, состояніе нѣкоторых элементов этой середины было не вполнѣ «созерцательным»: пассивные в своих собственных дѣйствіях, они были весьма активны в содѣйствіи самым крайним актам революціи; террористы могли найти укрытіе в весьма фешенебельных квартирах так называемой буржуазіи.

Спрятать нелегально прокламаціи, или дать квартиру под ультра-тайное собраніе — сколько угодно, в этом революціонеры никогда не испытывали недостатка.

Деньги? Пожалуйста, сколько угодно. Только убивайте людей, нам надоѣвших и мѣшающих «прогрессу» страны и нашим собственным устремленіям...» (Ек. Кускова. «Человѣк того времени»).

Дальше слѣдует подтвержденіе уже ранѣе сказаннаго о полной духовно-политической нищетѣ интеллигенціи, а затѣм автора начинает восхвалять революціонныя заслуги в тѣ времена образовавшагося «Союза особожденія», с цѣлью — «чтобы люди просто оппозиціонно настроенные» и которые «не умѣли найти друг друга, ни связаться для вящаго дѣйствія», могли объединиться. Автор цитируемой статьи, все та же Екатерина Кускова, один из организаторов этого «легальнаго» Союза, перечисляя его задачи, одновременно пытается утвердить как бы террористическую безпорочность его, но в то же время подчеркивает и приводит полностью декларацію редакціи союзнаго органа (кстати, подпольнаго), гдѣ говорится о единой революціонной борьбѣ.

Из многочисленных разсказов сыпнотифозных больных врачи установили, что в процессѣ этой изнурительной эпидемической болѣзни у человѣка происходит какое-то внутреннее духовное раздвоеніе личности.

Вот именно подобное духовное раздвоеніе являлось

неизбѣжным спутником русской интеллигенціи, как в цѣлом, подразумѣвая дѣятельность ея корпорацій, так и в поступках видных ея представителей.

Этото разлад наблюдался: и между их мыслью, и их словом, и между словом и дѣлом, и, наконец, иногда даже доходил до разтроенія — все по-разному: и мысль, и слово, и дѣло.

Как иначе объяснить: «легальное» общество, призывающее к революціонной борьбѣ при помощи выраженія своих мыслей в нелегальном журналѣ, издающемся заграницей.

Искренно убѣжденные в отрицательном дѣйствіи террора лица, в то же время организовывают с этой цѣлью общество и одновременно лично сами призывают к террору... Так было с тою же общественницей Кусковой.

В концѣ прошлаго столѣтія в Саратовѣ вспыхнула эпидемія холеры. На этой почвѣ темная масса простого народа начала избіеніе медицинскаго персонала; по личному свидѣтельству В. Чернова, стали происходить избіенія полиціи за то, что послѣдняя «самоотверженно защищала врачей и предотвращала дорогу к погромам».

И вот —

«Е. Д. Кускова с подругой начала было уговаривать бить не докторов, а полицію». (В. Чернов. «Воспоминанія», т. I, стр. 95).

(Продолженіе въ слѣдующем номерѣ).

С. Іегулов.

ПОНЯТІЕ A PRIORI У КАНТА И ШОПЕНГАУЭРА.

(Краткое введеніе в критическую философію).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вильям Джемс, в началѣ своего П р а г м а т и з м а, чрезвычайно остроумно дѣлит всѣх философов на «мягких» и «жестких», относя к первому типу ,напр., идеалистов, спиритуалистов, раціоналистов и оптимистов, а ко второму — реалистов, матеріалистов, эмпиристов, пессимистов и т. п. Реальнаго опредѣленія этих групп он не дает, т. к. это подраздѣленіе у него скорѣй психологическое, нежели логическое. Что объединяет перечисленныя группы — сказать трудно, нельзя, однако, не признать, что в установленіи этих двух групп Джемс обнаруживает рѣдкую наблюдательность. Эти двѣ группы в теченіе вѣков находятся в постоянном антагонизмѣ, причем нужно подчеркнуть, что само различіе этих многочисленных направленій и их названій опредѣляется тѣм фактом, что п л а т ф о р м а этой борьбы с теченіем столѣтій все время мѣняется, или, вѣрнѣе, как бы передвигается. Перемѣщеніе этой платформы и ея поступательное движеніе в о д н о м н а п р а в л е н і и есть, помоему, несомнѣнный факт — и в этом явленіи и обнаруживается истинная эволюція философской мысли человѣчества. Так как философское развитіе ест один из аспектов общаго развитія человѣчества, то в этой области вполнѣ умѣстно пользоваться для иллюстраціи образами, взятыми из других областей эволюціи. Я люблю в подобных случаях примѣнять термины англійскаго парламентаризма. Дѣйствительно, в англійском парламентѣ, этом образцѣ органическаго развитія, все время наблюдаются двѣ партіи ,находящіяся в борьбѣ, причем их программы и названія все время мѣняются, а платформа их борьбы непрерывно перемѣщается. Если не быть участником этой борьбы и смотрѣть на нее со стороны, то становится совершенно очевидным, что ни одна из партій никогда не говорит, так сказать, полной «истины», и что «истина» и эволюція обнаруживаются в каком-то третьем — меж-

дупартійном и «діагональном» — направленіи, даваемом самим Сущим, т. е. жизнью.

Возвращаясь к философіи, я укажу теперь на то всѣм хорошо извѣстное обстоятельство, что в XVII и XVIII вѣках платформой философской борьбы был вопрос об источникѣ познанія, и что тѣми «партіями», которыя осуществляли в то время развитіе философской мысли, были раціоналисты и эмпиристы. Дальнѣйшая эволюція, как извѣстно, вызвала синтез этих «партій» в критицизмѣ. Этот синтез как бы положил конец двум предыдущим направленіям и выдвинул новый вопрос. Эта новая проблема, являясь тоже платформой борьбы, создала уже новыя двѣ «партіи», которыя своим антагонизмом в свою очередь двигают развитіе человѣческой мысли еще дальше — на новыя позиціи в том же направленіи.

Теперь спрашивается, каковы же эти новыя «партіи»? Я думаю, что при всем разнообразіи направленій современной философіи, всѣ они могут быть сгруппированы в два лагеря: лагерь автономистов в области познанія и лагерь гетерономистов. Первые полагают, что принципы познанія должны быть обоснованы на самих себѣ, и что всякое, напр., психологическое или біологическое их оправданіе — нелѣпость. По их мнѣнію, в выводѣ не может быть матеріала, уже не заключеннаго в посылках, а потому ни из каких законов существующаго нельзя вывести принципов познанія, т. к. послѣдніе не существуют, а довлѣют. Что же касается гетерономистов, то они, в противоположность автономистам, полагают, что познаніе есть как бы функція жизни, и что поэтому оно подчинено, как и все другое, законам Сущаго.

Не поняв идеи этого антагонизма, нельзя понять ни критицизма, ни вытекающей из него современной философіи. Поэтому, в связи с высказанными мною мыслями, мнѣ и пришла идея дать небольшое, элементарное введеніе в критическую философію, указав на упомянутый выше антагонизм автономіи и гетерономіи в самых истоках и зачатках критицизма, причем постаравшись это сдѣлать на одном из самых основных его понятій. Хотя в этой моей работѣ нѣт по существу (в научном отношеніи) ничего особо новаго, она все-таки, по-моему, имѣет своеобразную (педагогическую) цѣнность — именно своей элементарностью и простотой постановки проблемы. Благодаря этому, я надѣюсь, она сможет оказать нѣкоторую услугу начинающим.

РАЗЪЯСНЕНІЕ.

§ 1.

Перед тѣм как начать излагать содержаніе данной работы, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, которыя, полагаю, не будут лишними.

1) Объясню сперва заглавіе ««Понятіе a priori, у Канта и Шопенгауэра», чтобы не дать мѣста двусмысленности.

Дѣло в том, что оно может быть понято в двояком смыслѣ: как сравненіе у Канта и Шопенгауэра апріорных элементов нашего познанія вообще, и как сравненіе у них апріорных элементов нашего сознанія, поскольку они относятся только к разсудку. Как извѣсто, Кант отличал чистыя разсудочныя понятія от апріорных форм чувственности, пространства и времени. Спѣшу замѣтить, что я имѣю в виду первый, а не второй смысл. Вѣдь кромѣ того, хотя заглавіе не должно давать знанія (об этом заботится обыкновенно содержаніе сочиненія), но оно не должно по крайней мѣрѣ вводить в заблужденіе. Из второго же смысла можно сразу подумать, что Шопенгауэр говорит гдѣ-либо о понятіях a priori Но он этого никогда не дѣлает и, хотя его закон основанія должен был замѣнить кантовскія категоріи, он никогда не прилагает к нему термина понятіе, имѣя в виду всегда закон, т. е. сужденіе.

2) Затѣмъ, хотя на моей обязанности лежит разсмотрѣніе только апріорных элементов у Канта и Шопенгауэра, но, что касается перваго, мнѣ придется затронуть и другіе элементы его философіи (теоретической) отчасти оттого, что вѣдь вся она и заключает только выведеніе этих апріорных элементов и доказательство их примѣнимости только к опыту (Критика, Введеніе, стр. 42), отчасти благодаря свидѣтельству самого Канта, который неоднократно указывает на то, что разум есть органическое цѣлое, в котором нельзя затронуть одну часть, не всколыхнув и других. Так, в Пролегоменах (в Предисловіи), на стр. 12, он говорит: «Чистый разум есть такая обособленная внутри себя солидная сфера, что нельзя тронуть ни одной ея части, не коснувшись всѣх прочих». В Критикѣ же, на стр. 13 и 21, он указывает на то, что в разумѣ все существует только для цѣлаго, т. е. может быть понято только из отношенія к этому цѣлому.

3) Теперь я укажу на тот способ, при помощи котораго я могу надѣяться достигнуть полноты в этом сравне-

ніи понятія а пріори у Канта и Шопенгауэра. Казалось бы, это очень легко сдѣлать: поискать у того и другого философа опредѣленія понятія а пріори, и разница в их пониманіи сразу бросится в глаза. Но дѣло вот в чем. Опредѣленія понятія могут быть двух родов: реальныя и номинальныя (проф. Введенскій, Логика, гл. XVIII, § 4, стр. 454, изд. 1911 г.). Опредѣленіе перваго вида указывает содержаніе понятія, второго — объем; первое опредѣленіе производится через подчиняющее понятіе, род (genus proximum), единство, второе — через виды, многообразіе. И то, и другое отвѣчает своей цѣли, если хотят только указать мѣсто, занимаемое понятіем в системѣ субординированных понятій. Логика имѣет в виду только реальныя опредѣленія. Проф. Введенскій в своей Логикѣ (гл. XVIII, § 4, стр. 455) говорит, что всякое реальное опредѣленіе есть в то же время и номинальное, и, по-моему, он имѣет здѣсь в виду то, что в реальном опредѣленіи заключается достаточно данных, чтобы при его помощи найти то, что подходит под данное понятіе. Но в психологическом отношеніи — каковую сторону профессор по вполнѣ понятным мотивам принципіально игнорирует в Логикѣ, — выходит нѣчто другое: два человѣка могут согласоваться между собой относительно реальнаго опредѣленія понятія и расходиться относительно того, что нужно под это понятіе подводить, — что неоднокрано можно видѣть в жизни. Дѣйствительно, реальное опредѣленіе есть правило, с помощью котораго можно опредѣлить всю полноту подходящих под данное понятіе предметов, но, как всякое правило, оно требует для своего примѣненія того, что Кант и Шопенгауэр называют способностью сужденія, чѣм люди весьма отличаются между собой. Кант на стр. 134 Критики (Транс. анал., кн. II, гл. I) говорит: «Если разсудок вообще опредѣляется как способность правил, то способность сужденія есть способность подводить под правило, т. е. рѣшать, подходит ли нѣчто под данное правило (casus datae legis), или нѣт». Если примѣнить все сказанное к понятію апріори, то можно замѣтить, что Кант и Шопенгауэр расходятся относительно его опредѣленія и реально, и номинально. Что касается реальнаго опредѣленія, то Шопенгауэр в нем постоянно присоединяет один предикат, котораго Кант старательно избѣгает; в номинальном же отношеніи Шопенгауэр отчасти расширяет объем понятія а пріори, подводя под него то, о чем Кант совсѣм не говорит, отчасти сокращает его, исключая из подчиненія понятію апріори то, что у Канта занимает надлежащее мѣсто. Отсюда вывод такой: понятіе а пріори

нужно у них сравнивать и реально, и номинально, т. е. не ограничиаясь тѣм, что каждый из них мыслит в этом понятіи (разсудок), но обращая вниманіе и на то, что каждый из них под него подводит (способность сужденія).

4) Что касается плана и способа изложенія, то он отчасти будет исходить из того положенія, что перед тѣм как сравнивать что-либо, нужно имѣть то, что подлежит сравненію. Это настолько важно, что иногда бывает достаточно ясно представить то, что желают сравнить, чтобы разница сама бросалась в глаза. Но обыкновенно (особенно студенты в просеминаріях) держатся другого мнѣнія и сравнивают или указывают, как одно «отразилось» (характерное слово!) на другом, когда слушатели сидят и, упорно моргая глазами, абсолютно не имѣют никакого представленія ни о том, что отразилось, ни о том ,на чем оно отразилось. Нѣкоторые, желая сохранить ореол квази-самостоятельности, не желают излагать ученія великих людей, находя это слишком низким для себя, а предпочитают произвольно сопоставлять тексты и цитаты и говорить, как один автор повліял на другого. Но по этому поводу я замѣчу, что в правильном изложеніи ученія можно проявить столько же самостоятельности, как и в произвольном сопоставленіи текстов, если не больше.

Раз вы беретесь представить на сравнительно небольшом количествѣ страниц ученіе какого-либо философа, то дѣло здѣсь никогда не ограничивается простым повтореніем его мыслей: будучи принуждены с о к р а щ а т ь, вы поневолѣ должны в ы б и р а т ь и излагать наиболѣе характерное и цѣнное, и тут-то и обнаруживаются ваша самостоятельность и ваши способности.

В правильном пониманіи великаго ученія уже кроется великая заслуга, так как ученіе, не имѣя возможности до вас опуститься, принуждает вас хоть на время до него подняться. Д-р Отто Вейнингер по этому поводу образно выражается, что для того, чтобы понять человѣка, нужно носить его в себѣ, а Шопенгауэр, негодуя против ненавистных ему софистов, говорит: «Поистинѣ какое-от проклятіе тяготѣет над двуногими существами: благодаря своему сродству с извращенным и дурным, они даже в твореніи великих умов больше всего восхищаются именно самым скверным, прямо ошибками, их они хвалят и превозносят, тогда как подлинно изумительное терпят лишь между прочим». (О ч е т в. к о р н ѣ, гл. V, § 34, стр. 106).

В связи со всѣм сказанным мнѣ желателен был бы такой способ изложенія: а) реальное опредѣленіе понятія

а пріори у Канта, б) изложеніе Кантовой философіи (теоретической), или о номинальном опредѣленіи у него этого понятія. То же и относительно Шопенгауэра. Но этот порядок не может быть вполнѣ соблюден благодаря одному мнѣнію Канта. В Крит. чист. разума, на стр., 58, он говорит, что в философіи нельзя, подобно математикѣ, предпосылать дефиницій изложенію. Вот его слова: «В философіи дефиниція, как полная ясность, должна скорѣе заключать дѣло, чѣм начинать его». При этом он затрагивает вопрос об адэкватных и неадэкватных опредѣленіях, который до нѣкоторой степени встрѣчается уже и Локка (Опыт о человѣческом разумѣ, стр, 364, перевод Савина), но скорѣй именно намѣчает его, чѣм его разрѣшает. Этот вопрос о полном опредѣленіи, о существенных и несущественных признаках очень важен и касается даже возможности раздѣленія сужденія на аналитическія и синтетическія, — этого, по выраженію проф. Введенскаго, краеугольнаго камня Кантовой философіи (Ло г и к а, гл. VII, §, стр. 106).

Но, повторяю, он скорѣе затрагивает этото вопрос, нежели рѣшает. Для нас же важно в данном случаѣ только то, что Кант держался подобнаго взгляда и сообразно с этим изложил Критику чистаго разума: в началѣ он дает предварительное опредѣленіе и только в концѣ дает возможность представить его во всей полнотѣ. Шопенгауэр же не дает совсѣм реальнаго опредѣленія и всюду предполагает знакомство с Кантом. Поэтому в своем изложеніи я поступаю слѣдующим образом: приведя кантовское предварительное опредѣленіе, я излагаю ученіе Канта, затѣм — Шопенгауэра (как бы номинальное опредѣленіе, т. е. указаніе на то, что эти философы подводили под понятіе а пріори), и ищу в этих ученіях элементов для болѣе полнаго реальнаго опредѣленія у каждаго из них понятія а пріори.

5) Первоисточниками я пользовался в слѣдующих изданіях:

а) **Критика чистаго разума**, в пер. Н. М. Соколова, СПБ, 1902 г.
б) **Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ**, в пер. В. С. Соловьева, Москва, 1905 г.
в) **О четвертом корнѣ закона достаточнаго основанія**, в пер. Ю. И. Айхенвальда, Москва, 1900 г.
г) **Мір, как воля и представленіе**, I том, в пер. А. Фета, Москва, 1888 г.

Что касается Соколова и Соловьева, то они очень сход-

ны в переводѣ важных терминов. Отличіе же перевода Фета от Айхенвальда касается только слова Verstand и легко усваивается. Кромѣ того, Фет Urtheilskraft иногда называет, в отличіе от ума (Verstand) и разума (Vernunft), разсудком. Но и это не препятствует пониманію. Взял же я только необходимое потому, что, имѣя цѣлью здѣсь, главным образом, отчетливость и элементарность своего изложенія, предпочел лишній раз внимательно проштудировать эти книги, чѣм пользоваться многочисленными комментаторами. Что касается послѣдних, то я счел достаточными Куно-Фишера и Виндельбанда. Кромѣ того, Кант неоднократно указывает на то, что познаніе чистаго разума есть система, а не аггрегат, т.е. нѣчто такое, гдѣ даже части могут быть познанными лишь постольку, поскольку онѣ имѣют отношеніе к единству цѣлаго. А подобныя вещи предпочтительно получать из однѣх рук и изложенныя одним способом. Шопенгауэр очень удачно, говоря о слогѣ Канта, приводит слова Декарта: quo enim melius rem aliquam concipimus, eo magis determinati sumus ad eam unico modo exponedam (Крит. Кантовой философіи, пер. Черниговцева, стр. 28). Даже начавъ читать (много лѣт назад!) послѣ Критики-Пролегомены, я испытал в началѣ непріятное впечатлѣніе, как будто бы готическій собор, с коим Шопенгауэр сравнивал Кантовскую философію, хотят перевернуть: ажурные шпили сдѣлать основаніем, а основаніе — шпилями. Но это отличіе Пролегомен от Критики оказывается в концѣ концов не столь значительным. Сказав все предыдущее, я могу приступить к изложенію самого предмета.

(Продолженіе в слѣд. номерѣ*)

Д-ръ фил. Н. А. Реймерс.

---

*) **Всѣ права сохранены за автором.** Мы сожалѣем, что вынуждены печатать труд д-ра фил. Н. А. Реймерса по частям, но думаем, что даже подобное «искалѣченное» изданіе будет полезно.
Ред.

Библіографія

В. СИРИН. «Приглашеніе на казнь». (Изд. «Дом Книги», Париж).

Темой новаго романа В. Сирина является душевная болѣзнь, героем — больной, страдающій навязчивой идеей (больница для него — тюрьма, в которой он ожидает предстоящей казни), круг дѣйствія — мір, отраженный его воображеніем, мѣсто дѣйствія — камера, рамки которой то расширяются, включая в себя образы, воспоминанія и видѣнія претворенной им реальности, то съуживаются — до тѣсных стѣнок, вмѣщающих только одно человѣческое сознаніе.

Книгу эту скорѣе всего можно было бы назвать опытом построенія больного сознанія, этюдом, а не романом. Как во всяком этюдѣ —яснѣе творческій процесс и виднѣе пріемы художника, так и эта книга болѣе других приближает нас к методам работы Сирина, вводит в его «лабораторію», вскрывает сущность его художественных пріемов.

Конструкція его книги та же, что и других. Разложенная на составныя части реальность явленій,, по-новому увидѣнная, показанная в различных «разрѣзах», новых поворотах, искусных освѣщеніях, дающих часто неожиданные эффекты.

Как в микроскопѣ, мы видим поражающій нас кажущейся новизной мір, открытый усиленным зрѣніем; как система выпуклых или вогнутых зеркал способна вернуть нам измѣненную реальность, так и Сирин в основаніи реальных явленій усматривает невидимое нами, постигает незримыя простому глазу детали, возвращает нам эту реальность, прошедшую через анализ его творческаго наблюденія, заключенную в схему его художественнаго построенія — измѣненной и переработанной.

Эти его схемы обычно убѣдительны, так как онѣ основаны на дѣйствительности, их содержаніем является доступная нам реальность. В них вѣришь, их принимаешь.

Тема, взятая в новой книгѣ, — труднѣе. Это непроницаемый мір, подвластный только нашему внѣшнему наблюденію.

Вскрыть реальность психически-больного воспріятія — значит перенестись в другой мір, не подчиненный нашей логикѣ и нашим законам. Это — область интуитивнаго постиженія, а не логическаго построенія.

Раціональному творчеству Сирина поставлена трудная задача.

Чтобы понять область «чудеснаго», говорит Гофман в одном из своих мистических разсказов, — надо обладать шестым чувством, «которое включает в себѣ не только то, что имѣют всѣ другія чувства, но гораздо больше, чѣм всѣ они вмѣстѣ взятыя». И «больное» воображеніе Гофмана создает иную реальность, которая спорит с нашей, вытѣсняет ее, овладѣвает иногда ею и заставляет вѣрить в свое существованіе.

«Здоровое» воображеніе Сирина ключа к этому міру не находит. Нужна «нуждающаяся в другом климатѣ мысль», употребляя выраженіе из его же книги.

Несмотря на огромную находчивость, неожиданность образов и положеній, новых оборотов дѣйствительности, творческаго ея искаженія, несмотря на большую работу, продѣланную в этой

книгѣ, на систему «оптических обмановъ», так искусно примѣняемую автором, — эта созданная им «реальность» не становится для нас убѣдительной, не владѣет нами. И часто кажется, что автор книги только нарушил цѣпь связи явленій и, сложи он поиному разрѣзанныя им картины дѣйствительности, докончи он умышленно оборванный образ, по-другому распредѣли свои художественныя «купюры», иначе употреби факты, которыми он так искусно жонглирует, — все станет на свое мѣсто, уложится в рамки нашего нормальнаго воспріятія. Все станет понятным нашему разуму, не выйдет за предѣлы нашей логики.

Эту книгу можно назвать этюдом, т. к. в ней творческій процесс не закончен, мы присутствуем при исканіях и попытках автора — угадать и подчинить себѣ мір новых ощущеній. Окончательной формы эти исканія еще не приняли. Сирин дает «тысячи едва примѣтных пересѣкающихся мелочей» (говоря его словами), законченных очертаній в ней меньше.

«Из свѣтлых очертаній, как бы не совсѣм дорисованных, но мастером из мастеров тронутых губ, из порхающих движеній пустых, еще не подтушеванных рук, из разбѣгающихся и сходящихся вновь лучей в дышащих глазах» — не встает яснаго образа героя романа. Это только «переплетенный в человѣческую кожу», но еще не живой человѣк. Он сам говорит в другом мѣстѣ: «Все разобранное и разсмотрѣнное еще не могло истолковать образ Цинцинната». — «Это было так, словно одной стороной своего существа он неуловимо переходил в другую плоскость, как вся сложность древесной листы переходит в тѣни и блеск, так, что не разберешь — гдѣ начинается погруженіе в трепет другой стихіи».

И в эту другую плоскость перенестись Сирин не может, эта стихія ускользает от его воспріятія, на экранѣ его творчества остается только раздробленная, разложенная, но все та же, наша дѣйствительность.

Больной мір, как «нѣчто чуждое ея составу и строю» — остается за границами его постиженія. Его мысль, дѣйствительно, нуждается в другом «климатѣ».

Б.

ИРИНА КУНИНА. «Красная феска». (Изд. «Дом Книги», 1938 г. Париж).

Сборнику присвоено названіе наибольшаго из вошедших в него разсказов.

Случайно или предусмотрительно, но «Красная феска» — единственный разсказ, написанный «внѣ времени», всѣ остальные датированы годом их написанія.

И это, быть может, нечаянное обстоятельство послужило естественной границей между ним и остальным содержаніем книги.

Восемь разсказов представляют собою какое-то психологическое цѣлое, несмотря на свою полную обособленную внѣшность — различность не только по содержанію, но даже и по способам передачи. Это как будто отдѣльные эпизоды из личнаго дневника автора, совершающаго свое «странствіе» по Европѣ.

Причем слѣдует замѣтить, что сюжеты не зарисованы, а скорѣе начерчены, — искусный литературный репортаж.

Всѣ литературные элементы налицо, но что-то отстутствует.

Точно попытка поставить на сценѣ Гоголя без декорацій, на подобіе метерлинковских драм, — на фонѣ черных сукон...

Кстати, Гоголь несомнѣнно владѣет мыслями автора...

Юмор сквозь печаль... — характерная особенность, я бы сказал, всѣх восьми, скорѣе психологических этюдов, а не разсказов, этого сборника.

Что же касается девятаго, одноименнаго со сборником, «Красная феска», то он несомнѣнно является попыткой автора к созданію, а не отраженію жизни. Творческій синтез пережитаго.

И что же вышло?

Душа синеглазой сѣверной дѣвушки была облачена волею литературнаго каприза в турецкое обличье Мустафы Сули-ага (в транскрипціи автора — Сульяга), революціонера - художника и террориста.

И в этом главная ошибка автора.

Экзотика не всегда украшает. Грозди бананов на пышных еловых вѣтвях — при всѣх обстоятельствах неестественны, а иногда и просто убоги.

В заключеніе хотѣлось бы замѣтить, что, право, не слѣдует внѣдрять в русскую рѣчь такія слова, как «всамдѣлишный»; не согласится ли также автор, что разсказ «Ландрат» нисколько не потерял бы, если бы сократился на нѣсколько строк, посвященных собачьей тайнописи?

С. І.

К. В. ОЗОЛС. Мемуары посланника. (Изд. «Дома Книги», Париж, 1938 г.).

Не только одно любопытство должно привлечь вниманіе русскаго читателя к этой нѣсколько необычной книгѣ.

Из краткаго предисловія автора, чрезвычайнаго посланника в СССР Латвійской республики, можно установить три побудительных мотива, руководивших им при опубликованіи своих мемуаров: 1) протест против тайной дипломатіи; 2) желаніе способствовать миру между народами и, наконец, 3) «к опубликованію моих мемуаров меня толкнула сама Совѣтская Россія».

Предваренный подобным авторским указаніем, читатель будет нѣсколько разочарован, так как вряд ли из почерпнутаго в книгѣ матеріала установит пагубность тайной дипломатіи в общепринятом смыслѣ этого понятія.

Приведенное в книгѣ дѣло эстонскаго посланника Бирка, как и ряд других подобных ему попыток, совершенных НКИД (Народный Комиссаріат Иностранных Дѣл) и ГПУ, с цѣлью скомпрометировать отдѣльных представителей иностраннаго дипломатическаго корпуса в Москвѣ, слѣдует причислить не к дѣлам тайной, а просто черной «дипломатіи».

Мало убѣдительна и панацея, творцом которой является сам автор, для умиротворенія Европы... Я здѣсь подразумѣваю его мысль о «Союзѣ государств средней зоны Европы», состоящаго из «16-ти малых и средних государств»... От Финляндіи до Греціи... Нѣчто утопичное на подобіе малой европейской Лиги Націй...

Зато очень много безусловно интереснаго и цѣннаго можно почерпнуть из его описанія и характеристик совдипломатов, крас-

ных владык, их взаимоотношеній, вообще всего, касающагося жизни и быта в СССР.

Есть весьма цѣнное и для эмигрантов.

Приведу полностью:

«Часто в этих заграничных учрежденніях ГПУ является болѣе важной и отвѣтственной отраслью, чѣм НКВД. Заграничная армія агентов ГПУ, конечно, во много раз больше, чѣм число оффиціальных дипломатических представителей, вмѣстѣ взятых. Наивно думать, что эти агенты занимаются только шпіонажем. Против этого всѣ государства могут и умѣют бороться и защищаться. Одно из важных заданій агентов — другое: они должны дискредитировать, деморализировать, децентрализировать. Для этого они обязаны пользоваться всякими разногласіями политических партій, искусственно создавать столкновенія и обостренія. При помощи женщин этим агентам удается бросать тѣнь на нежелательных лиц, дискредитироать их, убирать с постов, и эта тактика проводится ими легко и ловко»...

Снова повторяю: эта книга имѣет большой интерес, как живой матеріал об СССР.

С. І.

И. А. ИЛЬИН. «Основы борьбы за Національную Россію». (Изд. Н. Т. С. Н. П. 1938).

Когда прервал свое существованіе «Русскій Колокол» — журнал волевой идеи, издаваемый проф. И. А. Ильиным, всѣ мы, россійскіе націоналисты, ощутили пустоту; нѣкоторые из нас пытались эту пустоту заполнить, конечно, не таким интеллектуальным блеском, какой являл нам «Русскій Колокол», но столь же горячим и искренним словом.

Прошли годы, и новыя брошюры И. А. Ильина *) заполняют пробѣл. В них, кромѣ горячей вѣры, чувствуется смык с новой идейной и волевой порослью, родившейся за эти годы.

В новых словах И. А. Ильина — тот раскаленный дух, который один может преобразить Россію.

Мы вѣрим, что снова скоро зазвучит «Русскій Колокол», высокаго національнаго напряженія, развивающій основы реальной борьбы за Россію.

Ввиду значительности этой брошюры И. А. Ильина, мы помѣщаем полностью ея оглавленіе:

1. На кого нам надѣяться.
2. О русском самостояніи.
3. Историческое единство Россіи.
4. Что дало Россіи Православное Христіанство.
5. Творческіе уроки русской исторіи.
6. Внѣшнія причины русской революціи.
7. Внутреннія причины русской революціи.
8. Отжившіе предразсудки русской интеллигенціи.
9. Сущность большевизма.
10. Отрицательные уроки русской революціи.
11. Религіозный смысл русской революціи.
12. Вѣра в Бога.

---

*) 1937 г. — «Творческая идея нашего будущаго» (Изд. Н. Т. С. Н. П.).

13. О характерѣ предметности.
14. Церковь и государство.
15. Любовь к родинѣ.
16. Семья.
17. Что есть истинный націонализм.
18. О здоровом правосознаніи.
19. О политической дѣятельности.
20. О власти.
21. О сопротивленіи злу силою.
22. О вѣрном компромиссѣ.
23. О свободѣ.
24. О равенствѣ и справедливости.
25. О частной собственности.
26. О національной территоріи.
27. Національная армія.
28. О монархіи и республикѣ.
29. Россія спасется творчеством.
30. Заключеніе.

Т.

ГЕНЕРАЛ А. И. ДЕНИКИН. «Міровыя событія и русскій вопрос». Изд. Союза Добровольцев. 1939.

Очень трудно в положенных предѣлах дать исчерпывающій отзыв о брошюрѣ ген. А. И. Деникина, тѣм болѣе, что тема эта и прежде освѣщалась автором и что многое в этой оцѣнкѣ корнями уходит и в славные дни начала Бѣлой Борьбы, и в мрачныя времена конца ея.

Внѣ этой эпохи и современныя положенія ген. Деникина будут мало понятны. Поэтому, касаясь высказываній ген. Деникина в 1939 году, мы отвлечемся от личности автора и будем лишь судить о точках зрѣнія и утвержденіях политика, излагающаго свое мнѣніе о «міровых событіях и русском вопросѣ» — в началѣ 1939 года.

К сожалѣнію, автор пользуется «словечками», внесенными в эмигрантскую рѣчь совѣтской пропагандой. К числу их принадлежит и «пораженец». Сам автор брошюры, конечно, с совѣтской точки зрѣнія, типичный «пораженец»:

— он характеризует франко-совѣтскій договор, как прямую поддержку совѣтской власти.

— он сомнѣвается в том, что СССР выполнил бы свои обязательства в дни чехословацкаго кризиса,

— он полагает, что разгром команднаго состава обезсилил красную армію и флот,

— Он утверждает, что судьбами Россіи управляет **чуждая** народу, **преступная** власть, которая **охранить** страну не сумѣет, но **предать** и продать ее может в любой момент,

— его симпатіи и пожеланія успѣха всецѣло на сторонѣ Испаніи Франко.

Послѣднее, конечно, является вѣрнѣйшим признаком «пораженчества», ибо Красная Испанія, если не «юридически», то морально, — является составной частью СССР и, слѣдовательно, всякое пожеланіе успѣха ея врагу является покушеніем на предѣлы соціалистическаго отечества.

Русской эмиграціи уже давно слѣдовало бы отказаться от употребленія этих «словечек», которыя возникают в Москвѣ и распространяются в эмиграціи совѣтскими подголосками.

Эти «словечки» пущены в оборот не только для русской эмиграціи, но их стремятся привить и в прессѣ других стран.

Нѣкоторые, независимые конечно, иностранные журналисты точно такими же «оборонческими» словами обвиняют иностранныя правительства в «пораженчествѣ» и измѣнѣ за недостаточную помощь Сталину в Испаніи. Цѣлая группа подобных журналистов жонглирует термином «пораженчество». Это должно было бы призвать к осторожности русских политических дѣятелей.

Автор отстраняет от себя упреки в нереальности. Но защита его от этих упреков — чисто эмоціональная. «Вѣрую и исповѣдую» — вѣдь не доказательство. А логическое развитіе вопроса о защитѣ Россіи приблизительно слѣдующее в устах «оборонцев»:

— Защищать Россію надобно теперь, а не завтра. Сейчас СССР, завтра — Россія?.. Но оружіе защиты Россіи надо ковать сейчас. Нужно, чтобы заводы работали полным ходом. Слѣдовательно, нужна стахановщина — и трудовыя книжки. Надо помогать снабженію арміи, надо защищать спеціальные заводы от саботажа. Кто лучше сдѣлает это, чѣм ГПУ?

В будущей борьбѣ огромную роль сыграет психологическій фактор: единство населенія с властью. Пытаясь подорвать сейчас власть в СССР — ослабляют защиту — будущей — Россіи...

Этим рѣчам можно дать отпор только **точными, четкими** формулами:

защита властителей СССР — подготовка пораженія Россіи.

Поэтому слоган: «сверженіе совѣтской власти **и** защита Россіи» — лозунг **туманный, нереальный, нединамическій.**

Россійская эмиграція страдает одним общим недугом: она, — и это естественно для «эмиграціи извѣстнаго возраста» — живет отдѣленная какою-то пеленою от истинной Россіи, живет так, как будто «жизнь начинается завтра»:

Завтра произойдут событія...
Завтра нас позовут..

«Все в будущем»? Нѣт, вѣрнѣе: «все в прошлом». Ибо это «завтра» **уже** наступило. Этой реальности не хотят видѣть.

Живут также туманною условностью: «если». «Если» громоздится на «если»... Отсюда и у автора нѣсколько условных положеній: если красная армія сбросит власть, если она разложится под ударами извнѣ, если она отложит счеты с врагом внутренним... Отвѣтом служит: «я не могу повѣрить».

На зыбких этих песках в наше время нельзя строить дѣйствія. Поэтому формула автора:

Сверженіе совѣтской власти **и** защита Россіи —

кажется нам неясной и не побуждающей к дѣйствію.

Мы, конечно, не сомнѣваемся, что автор хотѣл дать ясный, реальный и дѣйственный лозунг. Его формулы, однако, легко преобразовываются слабой мыслью в нѣчто иное.

Как же эти положенія толкуются? Кускова в «Послѣдних Новостях» не скрывает своего воспріятія: для нея ясно, что и при совѣтской власти русскіе люди будут сражаться за рубежи. Кусковы полагают, что наступит момент, когда совѣтская власть будет дѣйствительно защищать интересы страны. Кускову мы, конечно, можем оставить при ея мнѣніях и не снисходить до полемики с ней. Но автор рецензируемой брошюры — лицо, чье имя не будет стерто со скрижалей русскаго лихолѣтья, и мы обязаны

сказать, что его точка зрѣнія способна смутить нѣкоторых «малых сих».

Мы полагаем, что формула автора замѣнима ясной, реальной, дѣйственной:

защита Россіи через сверженіе совѣтской власти.

Защищать Россію можно и должно не завтра, а сейчас. А для этого: всѣ силы направлять **к сверженію власти — для защиты Россіи.** Единственный способ **защиты** Россіи: обслуживаніе растущей національной революціи, помощь внутри-россійским освободительным процессам. Участіе в этом движеніи не «завтра», не тогда, когда все созрѣет, а сейчас, когда готовится оружіе для сверженія чуждой власти.

Не столько мы, сколько подсовѣтскіе россіяне, могут очутиться в трагическом положеніи. Им придется разрѣшать вопрос: защищать границы русской земли под водительством перваго врага Россіи? Вопрос этот в сердцах народа разрѣшен:

защищать Россію можно только свергнув власть.

Оріентируясь на Россію, только на Россію ,только на подсовѣтскія, противосовѣтскія настроенія, мы должны положить конец всѣм «фильствам» и «фобствам» Достаточно жить эмоціями 1914-1920 годов! Отдавая отчасти дань «фобствам», автор брошюры, однако, выражает то, что должно быть близко и понятно всей эмиграціи, поскольку она не оторвалась окончательно от русской жизни. Как противоядіе для измалодушествовавшагося зарубежья, его патріотическая проповѣдь, его патріотическое бичеваніе всѣх ставящих «ставки» на иностранных лошадей и на отечественных политических ослов несомнѣнно полезно. Всѣ государства для нас могут быть друзьями — но друзьями станут **лишь тогда,** когда будут думать о Россіи, об освобожденіи ея от совѣтскаго ига, **когда будут реально способствовать этому освобожденію.** Задача же наша — утверждать это перед иностранцами; говорить державным языком будущей Россіи, а не языком безродных просителей.

Через сверженіе власти — к защитѣ Россіи — лозунг не только патріотическій, но и лозунг дѣйственно-національный. Призыв же «По-то-ро-пи-тесь» должен быть обращен не только «туда», но и к эмиграціи.

Потoропитесь совлечь с себя ветхія одежды, **поторопитесь** развѣять туман мыслей и лозунгов, **поторопитесь** дѣйствовать — не «завтра», а сегодня, ибо **сегодня уже идет «там»** бой за Россію!

И. Я. С.

Assignment in Utopia. By EUGENE LYONS. London, George G. Harrap and Co.

«Назначеніе в Утопію» — так можно перевести заглавіе книги, занимающей несомнѣнно одно из первых мѣст среди всего, написаннаго иностранцами о СССР. Автор книги — американец, коммунист ,назначенный в 1927 году московским корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс» (по рекомендаціи представительства ТАСС в США, в котором он прежде служил).

В Москву он ѣдет убѣжденным коммунистом, намѣренным воспользоваться возможностями, предоставленными ему, для распространенія совѣтской пропаганды под видом «объективной информаціи». Он остается в Москвѣ до 1934 г. Заглавія отдѣлов кни-

ги отражают внутренній переворот, происходящій в нем за время его жизни в Совѣтском Союзѣ: «Аллилуя» — «Сомнѣніе» — «Разочарованіе».

От многих других отчетов об «обращеніях» коммунистов в СССР, так часто слишком явно отражающих неудачу личных честолюбивых планов, как главнаго мотива «обращенія», книга Лайонса выгодно отличается той глубокой и безжалостной к самому себѣ искренностью, которой вся она дышет. Особая же цѣнность книги состоит в том, что Лайонс постоянно задает себѣ вопрос: «Что дает Совѣтам возможность так беззастѣнчиво втирать очки всему міру, скрывать от него ужасы, творящіеся в СССР, и внушать ему ту картину «соціалистическаго строительства», которая является господствующим представленіем о СССР в милліонах умов Европы и Америки?» Положеніе Лайонса в Москвѣ дает ему возможность отвѣтить на этот вопрос болѣе исчерпывающе, чѣм это дѣлалось до сих пор кѣм-либо из заграничных наблюдателей в СССР. Главы, посвященныя работѣ представителей міровой печати в Москвѣ, объясняют многое, что нам, русским, казалось непостижимым в успѣхах совѣтскаго «очковтирательства». Л. описывает, как эти «представители мірового общественнаго мнѣнія» (впрочем, за нѣкоторыми похвальными исключеніями!) по соображеніям личной выгоды — то ли для сохраненія хороших отношеній с цензором, во избѣжаніе опасности высылки и потери доходной заграничной командировки, то ли в угоду большевизану-редактору в Лондонѣ или Нью-Іоркѣ, а иной раз просто от нежеланія выбраться из баров Метрополя и Гранд-Отеля и взглянуть на совѣтскую дѣйствительность, — передавали дословно, без попытки критики или поправки, тот информаціонный матеріал, **который им поставляли ТАСС или Наркоминдѣл.**

Одна из глав Лайонса — «Как представители печати замолчали голод» —останется тяжким обвинительным актом против этих «освѣдомителей», которые ради своих шкурных интересов стали союзниками большевиков в утаиваніи от міра гибели милліонов русских жизней.

Всѣ жуткіе эпизоды эпохи, пережитой Лайонсом в Москвѣ, передаются им исключительно ярко и честно. Раскулачиваніе, голод, террор ГПУ ,процессы «вредителей» — в описаніях всѣх этих событій, русскому читателю, казалось бы, достаточно извѣстных, все-таки на каждой страницѣ встрѣчаешь новыя детали, новыя мѣткія наблюденія и правильныя сужденія.

В США, гдѣ книга Лайонса уже выдержала нѣсколько изданій, она вызвала огромный интерес и несомнѣнно сыграла существенную роль в том измѣненіи отношенія к СССР части американской интеллигенціи, которое проявляется за послѣднее время.

О. В. Гефдинг.

«ПОДКОЛОДНЫЙ ЯГНЕНОК».

В № 61 «Новой Россіи» под редакціей А. Ф. Керенскаго, появилась статья Г. Федотова, озаглавленная «Барселона и Россія».

Можно было бы пройти мимо этой статьи, не отличающейся ни убѣдительностью излагаемых в ней взглядов, ни яркостью их выраженія. Но в ней есть нѣчто «новое», выдѣляющее ее из ряда

подобных же статей — соглашательских и большевизанствующих. Это «новое» — в неожиданной «христіанской» защитѣ коммунизма и в, поистинѣ, «новом» патріотизмѣ, видящем в побѣдах Сталина — побѣду національных интересов Россіи. Смѣсь смиренія и цинизма — удивляет даже теперь, послѣ всѣх обманов и лжи, к которым пріучила нас совѣтская печать.

«Паденіе Барселоны заставило содрогнуться много сердец» — начинает автор, т. к. — «в Испаніи затронуты жизненные интересы Россіи». «Об этом свидѣтельствует военная помощь, которую Сталин оказал Кабаллеро». — «Конечно, не из пристрастія к испанскому соціализму», спѣшно поясняет он.

«Испанія (республиканская) нужна Россіи, как возможная союзница Франціи». «Сам франко - русскій договор (автор нигдѣ не употребляет слова СССР, не без основанія полагая, вѣроятно, что это обезцѣнило бы его «патріотическіе» доводы) — мог ослабѣть». «При всѣх возможных поворотах политики паденіе Барселоны есть пораженіе Россіи...» Побѣда Франко — только побѣда Германіи и Италіи, залог их будущей гегемоніи. На Франко лежит вина: он поднял меч гражданской войны, его жестокость только «безсмысленна» и она только «инстинкт мести и классовой ненависти».

«Конечно, и красные запятнали себя преступленіями» — мягко допускает он, но это была самооборона. «Какая разница в нравственной вмѣняемости» (восклицает Федотов) этих двух враждующих сил! Республиканцы, «сражаясь за свою свободу, сами того не зная, — сражались за свободу Россіи». И, главное, «не прикрывались (как Франко) именем Христа».

И вот, в защиту коммунистической СССР, будто бы охраняющей національные интересы Россіи, отрекшейся от ея имени, за побѣду тѣх, кто первые возстали на Христа и сами объявили себя богоотступниками, — выступает г-н Федотов в статьѣ, которая осталась бы пятном на его совѣсти, если бы таковая имѣлась, и кладет тѣнь на издателей журнала, допустивших ея появленіе.

Один остроумный русскій мыслитель назвал Федотова «подколодным ягненком». Федотов доказал заслуженность этой клички.

«РОССІЯ ПОД ИГОМ», № 4 и № 5. Изд. Н. Т. С. Н. П. Париж.

Это изданіе Національно - Трудового Союза Новаго Поколѣнія «на правах рукописи» — заслуживает широкаго распространенія.

В прежнія времена такія тетрадки, отпечатанныя на ротаторѣ, не удостаивались обычно вниманія в обзорах печати. Нынѣ значительная часть «эмигрантской» прессы сознательно замалчивает здоровыя и полезныя начинанія, но не потому, что это «тетрадки», а вслѣдствіе нежеланія создавать «рекламу» явно антибольшевицкому **вольному слову.** Гнет подобной «эмигрантской цензуры» направлен в ту же сторону, что и цензура совѣтская.

В № 4 «Россіи Под Игом» наряду с документаціей (выдержки из совѣтских газет и журналов, мало вообще доступных нам), полной и показательной, мы обращаем вниманіе на статью «Наканунѣ ж.-д. катастрофы».

В № 5 начинаются печатаніем «Записки участника противосовѣтской организаціи X».

«Россія Под Игом» — изданіе своеобразное и, в первую очередь, могущее быть полезным тѣм, кто, пытаясь сорвать маску с совдостиженій, ведет антибольшевицкую работу среди иностранцев.

Всѣ статьи этого журнала обоснованы цитатами из совѣтской прессы: в одном № 5 использовано восемь совѣтских изданій: «Труд», «Извѣстія»,«Индустрія», «Бакинскій рабочій», «Правда», «Соціалист. Земледѣліе», «Большевик», «Комсом. Правда». Ни один эмигрант-одиночка не имѣет возможности охватить такую гамму совѣтских изданій. К тому же, часто совѣтская пресса читается неумѣло и тенденціозно, в результатѣ чего получается то, что случилось с младороссами, преклонившимися перед словесными достиженіями, выбирающими из большевицкой прессы похвальбу Сталина и не замѣчающими истиннаго лика непримиримости настоящей Россіи — под игом совѣтов.

К изданію этому придется еще возвращаться и пользоваться его выдержками из коммунистической прессы. Пожелаем же ему необходимаго, широкаго распространенія среди русских эмигрантов, желающих знать правду о своей Родинѣ.

Т.

Л. Н. ШИШКОВ. «Почему мы вѣрим в Россію». Изд. автора.

Политическая литература нашего времени бѣдна книгами, пропитанными настоящим національным духом, или страницами, могущими возбудить національную мысль.

Хотя с опозданіем, мы отмѣтим брошюру Л. Н. Шишкова «Почему мы вѣрим в Россію». Эта скромная книжка дает, несомнѣнно, достаточно вѣрную оцѣнку и настроеніям подъяремной Россіи и возможностям нашим, русских націоналистов, поскольку мы сможем и сумѣем отбросить от нас все совѣтское.

Брошюра Л. Н. Шишкова должна быть в библіотекѣ ищущаго русскаго патріота, думающаго послужить Россіи.

Нѣсколько мыслей автора дадут читателю понятіе об интересных темах, поднятых им:

«С точки зрѣнія философско-исторической, русская проблема вызывает обширную **идеологическую** проблему».

«Ключем к пониманію русской души является особый и своеобразный **«этическій динамизм»**, свойственный русскому человѣку и воспитанный в нем религіей».

И. Я. С.

ОТ РЕДАКЦІИ.

Не принято было, да и сейчас по традиціи не принято отмѣчать газеты в журнальном обзорѣ печати. Однако, условія нашей дѣятельности за рубежом своеобразны: во многих странах разсѣянія газета замѣняет и журнал. Соотвѣтственно этому, желая дать возможно болѣе полное отраженіе русской жизни в эмиграціи, мы — со слѣдующаго выпуска нашего журнала — введем отдѣл: **Обзор газет россійскаго зарубежья.**

Газеты для отзыва слѣдует направлять на адрес:
Mlle E. Tamansky.
153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Зарубежная жизнь

СЛОВА И ДѢЛА.

I. ОЧЕРЕДНОЙ «СЪѢЗД».

«Всѣм, всѣм, всѣм» разослано сообщеніе о таинственном, тайном «бѣлом» съѣздѣ в Румыніи и приложены его резолюціи («триста тридцать пять строк машинописи», просит отмѣтить их автор).

Мы порадовались, получив эту новость: значит, все же не иссяк еще порох в пороховницах, значит, нашлись средства и силы, чтоб созвать такой съѣзд, значит, нашлась и дружественная страна — Румынія, — которая не побоялась такого наплыва русских политиков!

Однако, по провѣркѣ, радость наша оказалась преждевременной: оказалось, «съѣзд» состоялся и не в Румыніи, да и «съѣзда», говоря откровенно, и не было, ибо, по одной версіи, «съѣзжался» всего один человѣк, который и предсѣдательствовал, и выносил резолюціи, по другой же информаціи, съѣхались все же не то двое, не то трое...

Однако, «съѣзд» создал мощное движеніе: «Эмиграція **должна** помнить, что в мірѣ имѣется русскій національный центр, раз навсегда укрытый от большевиков и внимательно слѣдящій за всѣми процессами в эмиграціи» (в этой цитатѣ: три и шесть десятых строки машинописи).

Нѣкоторыя резолюціи «съѣзда» были бы интересны, если бы не поверхностная освѣдомленность об СССР и атмосфера блефа.

«Народ «воздерживается» от здороваго участія в трудѣ», говорит, например, резолюція съѣзда. — Мы полагаем и могли бы документально это обосновать, что народ не только «воздерживается» а **борется** (саботаж и возстанія).

В современных же дѣлах, в русских **современных** теченіях мысли, а тѣм болѣе в новых движеніях «съѣзд» разбирается слабо и явно безграмотен.

Блефы в политикѣ **больше не нужны.** К тому же в них, конечно, болѣе опытны оборонцы и младороссы. Пора было бы дѣлать **настоящее дѣло!** И обидно, что почтенные люди не могли удержаться от странной выходки, не вызывающей ничего, кромѣ грустных размышленій у тѣх, кто хочет реально работать для Россіи.

II. ОЧЕРЕДНАЯ «ЗАПИСКА».

Пишут, пишут и пишут... Нѣкій Б. Петрович (14 страниц «машинописи») тоже не удержался и повѣдал о своем планѣ: «Всероссійскаго Національнаго Центра», «как прототип русской національной власти» — со схемой личнаго состава Центра и с 12 комментаріями».

Не знаем, принимал ли он участіе в вышеописанном съѣздѣ, но его «скромныя писанія» носят характер такого же, но, может быть. болѣе невиннаго и менѣе научнаго блефа.

«Схематическій проект» личнаго состава Центра подчинен принципам математической гармоніи и вводит, наконец (дости-

женіе совѣтской власти!) метрическую систему в строеніе политических организацій!

«Всего», пишет он, «групп 10, всего членов 100». Наконец, мы обрѣли порядок, наконец общественность расцѣнивается не на устарѣлые пуды, а на килограммы!

Б. Петрович является проповѣдником демократіи. Его мысли, несомнѣнно, порадовали бы сторонников «Эмигрантских Дум» вродѣ столь извѣстнаго в прошлом, настоящем и будущем профессора и адвоката... Б. Петрович предлагает 1 делегата от тѣх стран разсѣянія, гдѣ проживает от 1 до 10 тысяч русскаго народа.

Мы не хотим спорить с автором и выражаем свой восторг перед этой схемой. Что же касается «12 комментаріев», то мы просили 120 наших лучших сотрудников дать свой отзыв о них в слѣдующем номерѣ нашего журнала.

III. ОЧЕРЕДНАЯ «ГАЗЕТА».

Новая газета: «Единеніе» (Центральный Заграничный Орган Россійскаго Національнаго Единенія. Ежемѣсячная газета. Адрес (только для переписки): 14, рю Дюрантон.

— 14, рю Дюрантон?

— Там, гдѣ?

— Да, там, именно...

— И передовая подписана «Б. Шварц»?

— Тот самый?

— О, какое трогательное «Единеніе»!

В первом № этой трогательной газеты помѣщена и трогательная статья с приложеніем — на цѣлую страницу — трогательной карты Европы.

Статья касается современнаго плана перестройки Европы. План подписан «Императором Соединенных Германо - Славянских Имперій» — Зигфридом, «императором Германским и Русским (?), королем Финляндским, Литовским, Польским и Богемским, королем Готов, Саксонцев, Вендов» и прочая и прочая.

Мы предполагаем, что «прочая и прочая» включает и титул «Алжирскаго бея» (того самаго, у котораго под носом шишка), а также и титул «отца Народов» — Іосифа Виссаріоновича Сталина, который во всяком случаѣ, весьма радовался новому Единенію с улицы Дюрантон.

IV. ОЧЕРЕДНАЯ «БРОШЮРА».

6 декабря 1938 года (грустно, что не указан час), зарубежная литература обогатилась новым продуктом г-на Левитскаго под названіем: «Что же нам дѣлать?»

Мы не успѣли пересчитать печатных и непечатных строк этого труда...

6 декабря — день знаменательный для эмигрантской мысли. Но уже давно — в 1921 году — на страницах Россійской исторіи было отмѣчено появленіе на свѣт другого произведенія того же автора. По собственному и добровольному признанію г-на Левитскаго, он опубликовал тогда:

«План ликвидаціи русской смуты».

Почему же, — спросит читатель, — русская смута еще не ликвидирована, хотя 17 лѣт тому назад г-н Левитскій уже запатентовал свой план ликвидаціи русской смуты?

Но г-н Левитскій не унывает и продолжает давать практиче-

скія указанія для разрѣшенія проклятаго вопроса: «Что же нам дѣлать?»

Что же нам дѣлать: мы не хотим лишать читателя удовольствія от чтенія этой брошюры и потому не приводим из нея цитат. Горячо рекомендуем это новое средство г-на Левитскаго всем страдающим от безсонницы.

V. ОЧЕРЕДНАЯ «ИНФОРМАЦІЯ».

— Боеспособность и крѣпость патріотизма Красной арміи показана теперь всему міру — в прерѣканіях с японцами за холмы Безымянный и Заозерный.

— Армія проявила боеспособность ,а все русское населеніе свою солидарность с нею. Чан-Ку-Фен нанес сокрушительный и, возможно, послѣдній удар «бѣлой мечтѣ».

— Впервые — за послѣднее пятидесятилѣтіе — русская честь была отстоена.

— Народ смиренно терпит гнет сталинской власти, дабы не нарушить единства в сопротивленіи внѣшнему врагу...

Все это — не выдержки из московской печати ,а писанія младороссов, смиренно терпящих клеймо второй совѣтской партіи.

И. Туптало.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Эта рубрика доказала свою необходимость. Мы рѣшили включить ее и в наш журнал, ведя ее так, как она достойно ведется в самых крупных органах печати, отвѣчающих на всѣ жизненные вопросы и умѣющих в трудную минуту придти на помощь читателю.

I.

Х. Х. из Вальпарайсо.

Вопрос. — Я прибыл сюда недавно. Не выдают паспорта, ссылаясь на то, что из-за научных, финансово - экономических и удачных дѣл я случайно жил с 1918 г. по 1938 год при Вѣнской тюрьмѣ. Это отчего-то служит препятствіем для выдачи нужных бумаг. Кому жаловаться? Что дѣлать?

Отвѣт. — Пока не жалуйтесь никому. Скажите просто, что Вы были в тюрьмѣ из-за политических треній с варварской властью.

II.

Я. Ц. с острова Х, близ Мальты.

Вопрос. — Я живу близ Мальты вот уже 15 лѣт. Кому подать заявленіе о награжденіи меня мальтійским орденом, хотя бы 1-ой степени?

Отвѣт. — Ряд видных и всѣм извѣстных русских дѣятелей, а также и журналистов, награждались орденами не только за 15-лѣтнее пребываніе. Мы совѣтуем обратиться лично к ним за справками.

III.

Иван Никифорович из Парижа.

Вопрос. — Сего 4-го января, в 23 ч. 12 м., в пылу литературнаго

спора на тему «Слова и дѣла», но в трезвом видѣ, на публичном собраніи общества «Эллипс», куда допускается только цивилизованная и европейская публика, без зонтиков, я назвал извѣйстнѣйшаго культурнаго литератора X круглым гусаком, публично заподозрил его в том, что он происходит от обезьяны, а не от Адама, и вызвал его на дуэль. Теперь, тоже в трезвом видѣ, глубоко сожалѣю о нарушеніи цивилизаціи и о своих воинственных замыслах, вызванных фашистскими вѣяніями, носящимися теперь повсюду и в воздухѣ, и на землѣ. Как выйти из этого положенія?

Отвѣт. — Мы навели справки: сего 4-го января, в 23 ч. 16 мин. г-н X. покинул Париж в неизвѣстном направленіи, но оставаясь в предѣлах цивилизованнаго мира. Если Вы поѣдете за ним мириться, то он, не зная о Вашем миролюбіи, несомнѣнно уѣдет дальше и может попасть за предѣлы цивилизованнаго міра. Вина тогда ляжет всецѣло на Вас. Общественное культурное мнѣніе «Эллипса» Вас никогда не оправдает.

Совѣтуем дать крупное объявленіе в ежедневной прессѣ, гдѣ сотрудничает X., о том, что X. не гусак, и не круглый. Что касается обезьяны, не берите слов обратно, ибо **цивилизованная наука, на**чиная с Дарвина, подтверждает Ваше мнѣніе.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

Дорогой г-н Редактор,

Если пишу Вам, то потому что узнала о выходѣ новаго журнала, что всякое новое печатное слово меня волнует, что я с ранних лѣт живу смиренным соприкосновеніем этому міру и вдохновенных дерзаніем. Вы — раз Вы мой ровесник — должны помнить (и не могло это изгладиться из Вашей памяти) первые мои шаги, робкіе, но в которых звучал уже будущій полет всей моей жизни. Я говорю о звучащих строчках 18 мая 1906 г., за которыя уже тогда мои сверстники прозвали меня «золотым сердцем». А затѣм ... поэзія меня поглотила... О, для чего пишу об этом, для чего вспоминаю! Оранжевый туман столицы... — вспоминается так многое, непередаваемое...

Как не разсказать, как я всегда стремилась к знаменитостям, как удавались лишь разговоры в передних, как сидѣла не раз с мистическими переживаніями, безрезультатно у Блока на лѣстницѣ, как, наконец — меня принял Адамович... С ним вмѣстѣ рвем при свѣтѣ камина фотографіи Штирнера; вмѣстѣ с ним возвышаемся над проблемой пола и находим ключ тайны и тайну ключа. Вмѣстѣ сознаем, что в нашей средѣ сосредоточилась вся культура міра. Мы были тогда музеем вселенной. В жизни — мы были циничны и нецѣломудренны, в области же духа вялы и бездѣйственны. Пока Россія спала во тьмѣ, а мы бодрствовали в сіяніи нашей неизбывной тлѣнности, наступила революція, прекратив нашу дѣятельность. Не стало больше ночных споров о Христѣ до утренней яичницы, остались однѣ опаляющія воспоминанія...

«Безумных лѣт угасшее веселье
Мнѣ тяжело, как смутное похмѣлье,
Но, как вино, — печаль минувших дней,
В моей душѣ, чѣм старѣе, тѣм сильнѣй...»

Нам теперь осталось в удѣл одно искупленье добрыми дѣлами, и мой сан обязывает меня к молчанію. Но, услышав о рожденіи

Вашего журнала, не могу воздержаться от соблазна снова предаться моим воспоминаніям ,которыя всѣ не вмѣстились на страницах свободнаго общественно-политическаго и литературнаго органа, уже печатавшаго меня.

Надѣюсь, что Ваш журнал проявить такую же принципіальную и широкую терпимость, и что Вы душою понимаете, что не только, как говорят французы, одежда создает монаха.

Прошу вѣрить в задушевную искренность моих смиренных пожеланій успѣху Вашего дѣла. **Мон. Марта.**

П. С. Кстати, Вы, кажется, учились в гимназіи с моим вторым или третьим мужем? Не знаете ли, гдѣ он, при воспоминаніи о нем бѣшено бьется сердце... **Мон. Марта.**

ОТ РЕДАКЦІИ.

I. — **Редакція не придерживается правила:** «непринятыя рукописи — не возвращать» и **отказывается** от традиціи «по поводу их не вступать в переписку». Редакція будет возвращать рукописи и вступать в переписку с авторами — по мѣрѣ своих сил — и при условіи приложенія почтовых марок (во Франціи) или международных купонов. Редакція отвѣчает лишь за рукописи, присланныя заказными письмами и возвращает их только заказным же порядком, что слѣдует учесть при присылкѣ марок или купонов для обратной пересылки.

II. — Принимаются **объявленія** в № 2 журнала. Об условіях справляться в секретаріатѣ (адрес — ниже).

III. — Рукописи, всю переписку, почтовыя марки и международные купоны для отвѣта слѣдует направлять на адрес секретаріата журнала:

Mlle E. Tamansky.

153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Всѣ денежные расчеты по журналу (почт. переводы и. т. п.) слѣдует посылать **исключительно** на адрес казначея журнала:

Monsieur Stephan Chabratzky.

17, rue Gauthey, Paris XVIIe, France.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ДЛЯ ОТЗЫВА:

до 15 февраля 1939 г.

1. «L'enlèvement du général de Miller par le général Skobline». Plaidoirie de *Me Maurice Ribet*.
2. **I. M. Бикерман.** «К самопознанію еврея». Париж, Склад. изд. «Дом Книги».
3. **Г. Газданов.** «Исторія одного путешествія». Изд. «Дом Книги», Париж.

Книги, брошюры и журналы для отзыва слѣдует посылать на адрес:

Mlle E. Tamansky.

153, avenue Foch, Herblay (S. et O.), France.

Le Gérant : Nicolas Sergueeff.

Imprimerie VAL. 124, rue Compans. Paris 19.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна отдѣльнаго № (без пересылки):
Во Франціи : 6 франков.
Въ других странах : 20 амер. центов.

Принимается подписка на 1939 год:
— Четыре № в год. —

Съ пересылкой:
Во Франціи : 24 франка.
Въ других странах : 80 амер. центов.

— Пересылка по оффиціальному почтовому тарифу. —

Складъ изданія:

Librairie «La Renaissance»
73, av. des Champs-Elysées
Paris 8e